П 23
2296

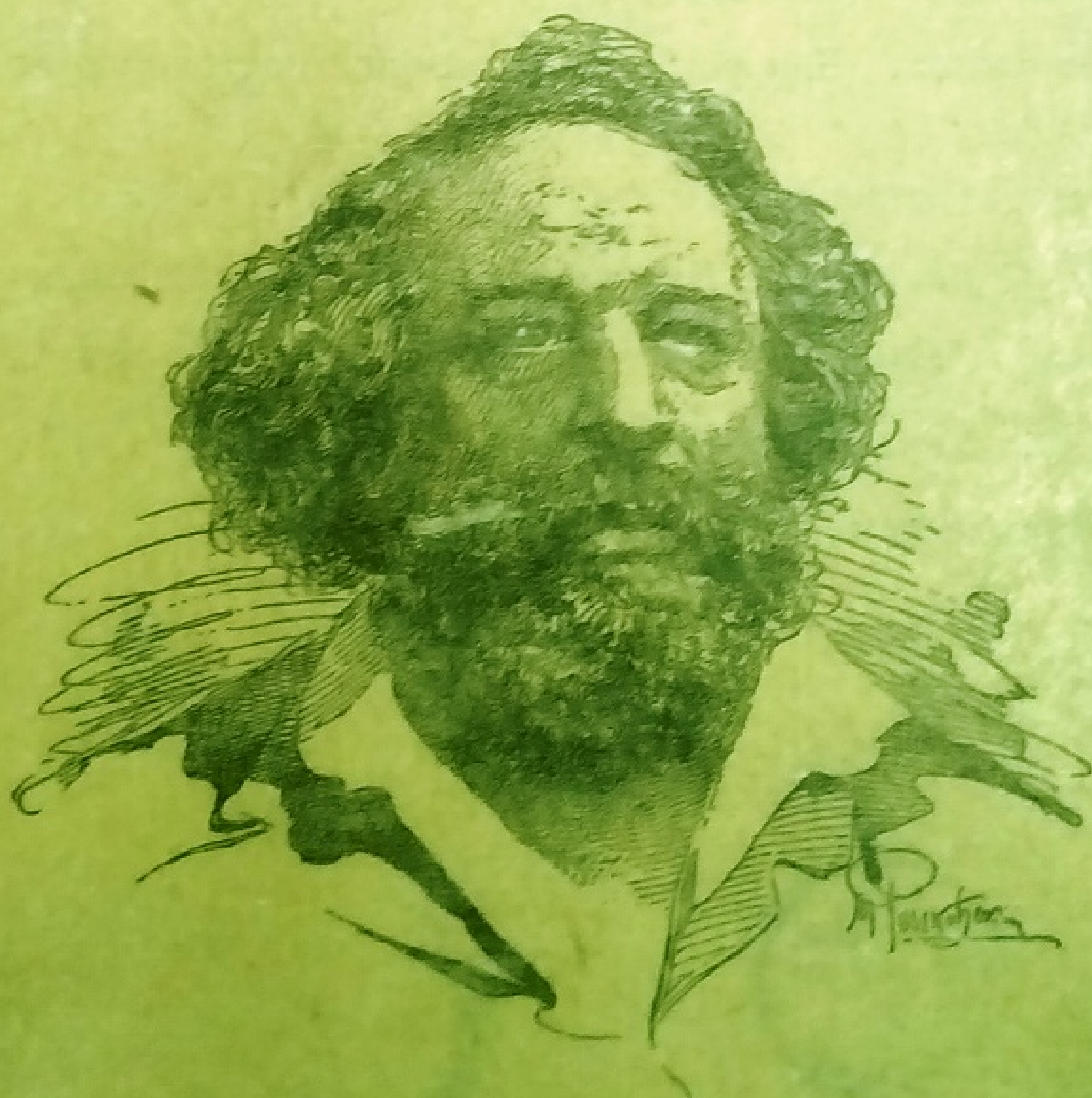
Освобождение трудящихся
есть дело самих трудящихся!

ВОЛЬНЫЙ ТРУД

Орган Питерской Федерации Анархо-Синдикалистских групп.

№ 9—10. Декабрь 1919 г. Цена 25 руб.

П 23
2296

М. Бакунин.

Содержание:

Стр.

Морской. Рассуждение пролетариата о III Интернационале . . . 1 — 6

Б. С. Об анархизме. Очерк первы. (Окончание) . . . . 7 —13

Петр Скурихин. Призыв. (Стихотворение). . . . . 14—15

В. Волков. Бедноте. (Стихотворение) 15

Григорий Сахновский. Как устроить в городах настоящую вольную жизнь . . . . 16—24

Ваня Л. Стихотворение. 24

Ник. Павлов. Синдикализм, Анархизм и русская революиия . . 25—34

В. В. Человек. Эскиз . . . . 35—37

П. Руденко. На Украине. (Окончание) . . . . 38—44

И. Лапин. Анархистам. (Стихотворение) 44

Хроника . . . . 45—48

Рассуждение пролетария о III Интернационале.

Как известно всем вольным и невольным гражданам „социалистической, федеративной, батрацкой“ России, в золотоглавой Москве заседал и заседает III „Коммунистический“ Интернационал—с‘езд делегатов, якобы от рабочих и крестьян почти всех стран земного шара. Задачей с‘езда очевидно, было потолковать, а если будет возможно, то и попробовать высадить буржуазию, царей, помещиков и им подобных из той телеги, которую тащат ныне крестьянин и рабочий, чтобы на место этих господ, немедленно засесть самим, полагая, что после этого рабочему и крестьянину будет легче ее тащить...

Для более полного освещения вопроса об Интернационале желательно бы было сделать краткий очерк истории возникновения первых двух Интернационалов, познакомиться с их основными принципами и целями. Но в краткой журнальной статье этого сделать нельзя и потому, желающим ознакомиться с этим вопросом рекомендую прочесть краткую, но правдивую и ясную статью А. К. „Кем был основан Первый Интернационал“ *), выдержки из которой я привожу в конце нашей статьи. Теперь же прямо перейдем к уже с‘ехавшемуся в Москве, по нумерации III-му Интернационалу. Не обращая внимания на наружность, на вывеску, на цвет или окраску этого с‘езда, сразу же заглянем внутрь его, и пощупаем его своей мозолистой пролетарской рукой, словом сделаем вскрытие чудотворных мощей и посмотрим—не окажутся-ли там, вместо целого тела трудящихся, какие-нибудь щепки, тряпки, и т. п. чудотворная труха.

Итак, начинаем вскрывать...

Первым делом нам желательно, даже необходимо, было бы узнать—из кого состоит этот Интернационал? Из крестьян, рабочих или из белоручек, интеллигентов, мещан? Что это за представители трудящихся в нем заседали и заседают? Откуда они сюда сбежались или с‘ехались? Кто их послал и с какими наказами?.. Все это не только весьма интересно, но необходимо знать нам,—пролетариям и трудящимся вообще.

---

*) См. журнал „Вольная жизнь, № 1, 1919 г. изд. Фед. Анарх.—Ком.

Ответ готов.—Казенная большевистская пресса—газеты, журналы и пр. говорят, что из такой то страны приехал такой-то представитель, „интеллигент“, такой-то политической партии,из такой — такой-то а из такой—такой-то и т. д. и т. д. На с‘езде, судя по подписям под „Манифестом Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира“, присутствовали: от Герм.—Макс Альберт, Рос.—Н. Ленин, Авст. (немецкой)—К. Крубер, Венгр.—А Руднянский, Швеции—Отто Гримлунд, Швейцарии—Фриц Платтен, Америки—Б. Рейнштейн, Балк. федерации—Х. Раковский, Польши — Уншлихт (Юровский), Финл. — Ю Сирола, Укр.—Скрипник, Латв.—К. Гайлис, Эстон.—Г. Пегельман, Арм.—Гайкуни, Нем. Колон. Поволжья — Г. Клингер, Народов Вост. Рос.—Ялымов, Французского левого крыла Циммервальда—А. Гильбо. Как видите, в списке, рабочих, пролетариев,—маловато. Публика большею частью и не нюхавшая запаха рабочего станка, да рабочей блузы. А если поискать получше, то пожалуй среди этих почтенных гостей найдутся и такие представители, которые является представителями только самих себя*)... Прямо же избранных рабочими или трудовыми крестьянами делегатов на мировом с‘езде, что-то совсем не видно, да и место-ли им тут?

Итак значит Интернациональный с‘езд состоит из одних „интеллигентных“ делегатов, из представителей только от политических партий, да и то различных названий, различных толков и течений. Поэтому смело можно назвать этот с‘езд—партийным, но не рабоче- крестьянским, так как рабочие и крестьяне еще об нем совершенно ничего не знают. Каждый делегат настоящего с‘езда является представителем *политической партии* или группы лиц, имеет конечно, при себе наказ по тому или иному вопросу, являющийся для него обязательным при решении вопросов. А как всем грамотным известно, каждая партия имеет свою программу, различную от програм другой партии. У каждой могильщицы—политической партии имеются свои цепи, свои стремления, свои хитрые планы для околпачивания трудовых масс... Поэтому, не будучи пророком, заранее можно сказать, что от таких фальшивых рабоче-крестьянских воротил-делегатов, которые не умеют отличить сохи от бороны, молота от наковальни, так как они подобную сбрую видали только на картинках, от такого „Интеллигентского“ Интернационала—нам рабочим и крестьянам кроме крику, шуму, гаму, партийной грызни, сплетен, злостной клеветы друг на друга, ничего путного и полезного ожидать не приходится. У всех делегатов С‘езда разные вывески, разные партийные мещанские програмки, разные обещания, и только одна общая цель, которая действительно могла-бы об‘единить их и, повидимому, об‘единила, — это то, что всем хочется властвовать, всем страстно хочется управлять трудовой массой, счи-

---

*) На первых интернационалах были подобные представители. Чем же лучше их III интернационал. (см. статью Топтыгина Анархический интернационал и Международ. язык. „Вол. Труд“ № 5—6).

тая ее невежественной, еще совершенно неспособной самоуправляться. Что-же после того может быть общего у трудящихся с Интернационалом? Разве только то, что у волка с овечкой, или у кошки с мышкой: когда кошка сыта, тогда она с мышкой играет, а когда становится голодна, тогда ее, мышку, моментально пожирает. Не такая-ли игра Интернационала с народом?..

Допустим, что это не игра, а серьезное строительство Интернационала, да еще и по системе „Научного“ социализма Карла Маркса и его соратника Фридриха Энгельса... Что же получится тогда? А получится тогда то, что каждая страна должна будет устроить у себя такую-же Коммуну, такое-же Коммунистическое государство или республику (что по существу одно и тоже), какое устроили господа большевики в России, т. е. об‘явить декретом, вопреки воле трудящихся и здравому смыслу, что все живые и мертвые силы Природы: все моря, реки, озера, баларужины *), все фабрики, заводы, мастерские, все железные дороги, все богатства страны, все, что создано трудом человеческим, одним словом все то, что имеется на земле, в земле и под землей, собственностью государства, которым будут управлять для „блага народа“ коммунистические чиновники. Это называется на языке „научных“ социалистов *коммунизмом.* Но этого мало. Строители государственного Интернационала этим же самым декретом должны будут об‘явить собственностью государства и всех людей, так как по доброй воле, освобожденный от власти капитала, пролетариат едва-ли захочет работать для „коммунистического“ государства. Рабочий должен будет стать рабом нового хозяина—государства, крестьянин тоже. Всякий—что бы он ни добыл обязан тащить в государственную житницу, под угрозой угодить в противном случае в Коммунистическую тюрьму.

Для всех, кроме тех, кто у власти, будет один хозяин, один кровавый тиран, разбойник--*государство.* Народная мысль, народная свобода слова, свобода печати, свобода передвижения, личная инициатива будут „именем народным“ беспощадно терроризированы, задушены. Пусть кричат те, кому народное рабство—нажива, дойная корова, пусть идеализируют они, хвалят это кровожадное страшилище—государство! Для нас ясно, что государство, как бы оно не называлось, это—цепи, тюрьмы, это кладбище...

Это уже начинают понимать и скоро поймут и все трудящиеся.

Сколько господа социалисты ни старались перекрашивать в другой цвет государство, оно все-таки осталось государством: те-же учреждения, но с другими вывесками, те-же чиновники, (только их прибыло и еще прибудет по количеству), но с другими кокардами, так-же или еще чище растреливают, те-же охранки-чрезвычайки на тех-же местах и с теми-же шпионами, следователями, такая-же свирепая власть (по пословице, что хотя змея и в другой коже, но сердце то у нее все

---

*) Баларужина—лужа.

тоже...). Раз существует и будет существовать государство и государственная власть, значит будут существовать и законы—опора и фундамент власти; а если существуют и будут существовать какие бы то ни были законы, значит необходимы и блюстители таковых—армия судей, полицейских, шпионов, и чиновников,—а следовательно необходимы и... тюрьмы (Ох, ты матушка тюрьма. Хотя ты и социалистическая, а веет от тебя ужасом). Ведь надо-же непокорных бунтарей—противников рабства и насилия человека над человеком—куда-нибудь прятать-то. При социализме будет еще больше теперешнего тюрем, так как тогда будет многим больше рабства. А если будут тюрьмы, а они будут—несомненно, тогда будет необходима громадная армия солдат для охраны тюрем, конвоирования „арестантов", для исполнения растрелов, для подавления „бунтов" и т. д. и т. д. Для солдат нужны будут громадные казармы. Солдат нужно одеть, обуть, дать жалование приличное, чтобы верой-правдой служили. Да и потом солдата с палкой в караул не поставишь и с голыми руками на усмирение не пошлешь—нужно дать ему винтовку, пули, бомбы снаряды, пушки, танки и подобные орудия смерти... Для выработки этого нужно фабрики, заводы, сотни тысяч рабочих...

Все это делает и будет делать сам народ для народа-же... Народ строит тюрьмы, чтобы в них сажать народ... Народ в тюрьмах, которые охраняет народ... Народ делает пушки, снаряды, бомбы, ружья, пули, танки, чтобы стрелять, убивать народ...

Что-же это такое происходит?! Это ужас! Это кошмар! Это мир сумашедших!...

Провертье-же сами, читатель, ведь это действительно так. Такова есть и будет свобода и жизнь людей во время царства „научного" социализма. Порабощение, не только личности, но и целого общества, будет сильнее, чем в крепостное время. Рабство человека будет, пока будет власть и государство.

Так вот, что готовят народу господа социалисты, с'ехавшиеся в Москве, на III-м „Интернационале".

По ихнему мещанскому плану Интернационал—это союз социалистических государств. Во главе этого мирового союза социалистических жандармов, централизованных государств будет стоять единый центральный со́вет (безусловно с правами диктаторства). Сразу-же полетят, как из фонтана, по всему миру декреты, приказы, указы с грозными предписаниями для немедленного и точного исполнения на местах. Осмелившихся уклониться, ослушаться или отказаться от исполнения таковых,—таких „именем народа" в народную тюрьму... а то еще проще—„к стенке!.." Уж теперь мое анархическое сердце чувствует, каким кровавым ужасом, каким ужасным кошмаром веет от этого грядущего царства, от этого хищного зверя, нового народного жандарма, детища III „Коммунистического" Интернационала.

Трудящиеся всего мира! Протестуйте самым энергичным образом

против всех политических, бесстыдных самозванцев, всех строителей фальшивого Интернационала, как возобновивших II-ой, так и построивших III-ий!.. Протестуйте и гоните их скорее подальше от себя, гоните пока не поздно, пока они еще грызутся и не могут помириться и об'единиться для совместного господства и властвования над всеми живыми и мертвыми всего мира. Пусть эти господа стряпают что хотят и сами-же и едят свою стряпню. Нам-же трудящимся тюрьмы, законы, жандармы, чрезвычайки и тому подобные прелести, которые неизбежно будут в выше описанном фальшивом социалистическом Интернационале, в особенности после неизбежного его братания с возобновившимся II-ым Интернационалом, состоящим также из господ социалистов,—не нужны. Это будет не Интернационал трудящихся, а сплошные чрезвычайки, сплошное кладбище...

Жизнь убедила, что „никто не даст нам избавление—ни Бог, ни Царь и ни герой! Добьемся мы освобождения своею собственной рукой".—Эти простые, но пророчески—мудрые слова, выраженные в международном гимне трудящихся, были, есть и должны остаться, как руководящий лозунг в смертельной революционной борьбе за полное освобождение трудящихся.

Нечего бояться что без власти трудящиеся не сумеют устроиться. Если они умели делать машины, поработить природу, пар, движение воздуха, открыли электричество, так надо думать, что трудящиеся с'умеют всем этим и пользоваться... Мудренее было изобрести и произвести мотор, чем на нем кататься.

Для примера организации подлинного Интернационала, истинного Союза трудящихся напомним строительство мирового союза трудящихся—I-го Интернационала.

„В дыму, в чаду под грозный грохот зловещих машин, в кроваво-кошмарных мастерских Англии, Франции и др. государств Европы зародилась первая мысль о создании мирового союза трудящихся, о создании Интернационала.

Она зародилась давно, но в 1862 году делегаты, выбранные парижскими рабочими в 50 избирательных бюро, прибыли на лондонскую всемирную выставку и встретились там с английскими рабочими.

Во время праздника международного побратимства, устроенного 5 августа 1862 года членами английских союзов (тред'юнионов) в честь своих гостей—рабочих Франции—английские рабочие прочли обращение к французским рабочим, в котором между прочим, находились следующие слова:—„Мы думаем, что обмениваясь нашими мыслями и нашими наблюдениями с рабочими различных национальностей, мы придем к скорейшему открытию экономических тайн общежития. Надеемся, что, обменявшись в настоящее время рукопожатиями, мы увидим, что у нас—как у людей, граждан и рабочих—одни и те же чаяния и интересы и мы не позволим, чтобы наш братский союз был разбит лицами, считающими полезным для себя видеть нас раз'еди-

родного сношения; надеемся, что каждый день будет образовываться новое звено дружеской цепи, которая должна об'единить рабочих всех стран".

В ответ на это обращение, французские рабочие внесли предложение устроить рабочие комитеты для обмена корреспонденциями „по вопросам международной промышленности". Под этими вопросами подразумевались, без сомнения, вопросы о заработной плате, стачках и т. п. Тогда-же было решено устраивать совместные демонстрации по поводу важных международных событий.

В средние 1863 года шесть рабочих делегатов снова прибыли в Лондон для того, чтобы присутствовать на митинге, устроенном для протеста против порабошения Польши. На (втором) собрании рабочих член трэд'юниона Оджер говорил, сначала о всеобщем мире, затем указал, что рабочие должны устраивать международные конгресы (с'езды) для того чтобы сговориться о средствах, которыми надо вести борьбу против капиталистов и мешать вывозу (с целью понижения заработанной платы) неорганизованных рабочих из одной страны в другую. В сентябре 1864 года лондонские рабочие послали французским рабочим приглашение на новый митинг сочувствия Польше, только что побежденной русеким правительством, жестоко расправимшимся е поляками.

На этот мичинг приехали посланные группой рабочих три делегата—рабочие Линузен, Толен и Перришон—и привезли английским рабочим, вместе с проектом образования Международного Товарищества „послание французских рабочих" *).

Таким образом, зародилась мысль у рабочих о создании Интернационала, так самими рабочими закладывался фундамент мирового союза, союза трудящихся. Так строилось об'единение пролетариев, стремление которых еще задолго до этого утопист Роберт Оуэн формулировал следующими слоаами: „Пролетарии всего света, об'единяйтесь!".

Так об'единитесь-же все угнетенные, все обездоленные, все замученные, современым рабством!

Труженики всего света! Об'единяйтесь в свой подлинный, безвластный, анархический Интернационал трудящихся!

Морской.

*) Настоящая выдержка целиком взята из статьи А. К. Кем был основан первый Интернационал? (Вольная жизнь № 1. Журнал) Федерации Анархистов-Коммунистов.

Об анархизме.

Очерк первый.

(Окончание)).*

Наш Путь.

Часто анархистам предлагают вопрос: как же вы будете жить без государственной власти, без и вне государства?

У каждого анархиста на этот вопрос есть тот или иной, более или менее определенный ответ, сущность которого почти всегда сводится приблизительно к следующему: современный государственный строй общества, построенный на принудительных началах, должен смениться иным, безвластным строем, построенным на свободном, добровольном соглашении всех людей, или, говоря иначе, государственность должна смениться *вольной*, покоющейся на договоре, *общественностью*. Подробно останавливаться на этом вопросе я здесь не буду, об этом в одном из дальнейших очерков (см. „Вольный Труд" № 2, стр. 6), сейчас же, чтобы хоть сколько нибудь предупредить лукавство „книжников и фарисеев" и помочь искренно интересующимся анархизмом, разобраться самим в этом (вопросе), я в свою очередь предлагаю такой вопрос: чем же вы думаете заменить фантазмы (предрасудки): ведьма, домовой, колдун, леший, русалка и другие подобные, которые вы разрушаете и с которыми вы боретесь на каждом шагу в темной среде? Или ничем, или, что чаще всего, знанием, знанием позитивным, очищенным от всяких теологических, метафизических, фантастических и подобных примесей, построенным на наблюдениях, опыте, фактах и строго логических умозаключениях.

Знание, а не слепая вера, *разум*, а не эмоциональная фантазия, *должны быть руководителем человека* на его жизненном пути, — так говорят лучшие и наиболее честные из вас.

---

*) См. „Вольный Труд" № 2 (стр. 3—10), № 3—4 (стр. 3—18), № 5—6 (стр. 5—17), № 7—8 (стр. 16—34).

Так говорят и анархисты.

Разница между вами и анархистами та, что вы только говорите о разуме и знании и редко за ними следуете, анархисты же говорят и следуют. Вы еще только пока *верите*, что разум и знание наши путеводители, анархисты же *знают* это. Между же верой, верой мертвой, без дел, и знанием дистанция приличного размера. Когда вы будете не только верить, но и *знать* о разуме и знании и их роли в жизни человека, вы станете анархистами, теми самыми анархистами, которым вы сейчас шлете проклятия, которых вы стремитесь уничтожить, или хотя-бы загрязнить, дискредитировать в глазах темного, забитого нуждою, горем и непосильным трудом человека.

Но знайте, что ваши усилия в этом направлении—бесполезная и напрасная трата энергии... С каждым годом, каждым днем человек прозревает и начинает видеть понемного истину. Рано или поздно он увидит ее всю... И горе вам тогда, лицемеры, лжецы и трусливые половинчатые интеллигенты!..

Лучше было бы вам энергию (злопыхательства, ненависти и презрения к анархистам употребит на истребление в самых себе фантазм (предрассудков), вдалбиваемых вам, в ваши головы, с детства, путем, так называемого „воспитания“ (см. „Вольный Труд“ № 3—4 стр. 5—14), и на приобретение истинного знания, которое, несмотря на старание и усилия, в течение многих веков, ученых засорить его, все еще существует и будет существовать вместе с идеями анархизма до тех пор, пока будет существовать *человек* — разумное животное.

Вы не знаете. а может быть и не хотите знать, тогда поверте, что власть — фантазма, что она ведьма, что она русалка-красавица (как и русалка она фантазма, как и красавица она прельщает всех), купающаяся в волнах человеческой крови, вы же все страстолюбивые животные с передернутыми, искаженными, уродливыми от страсти лицами, стремящиеся к похотливому обладанию этой красавицей и утопающие в *человеческой* крови.

Утоните!.. А утопая потяните и других за собой...

Остановитесь пока не поздно...

* * *

В чем же и где путь спасения? Вот вопрос, который интересует многих.

Единный ответ на него среди анархистов едва-ли можно найти. И это вполне понятно, ибо идеал анархизма подобен солнцу, лучи от которого исходят во все стороны и пути к которому сходятся со всех сторон. Я не думаю здесь останавливаться на разборе и критике всех путей, по которым шли, идут и будут итти анархисты, об этом поговорим в одном из последующих очерков (см. „Вольный Труд“ № 2, стр. 6). Сейчас я хочу вкратце отметить лишь тот путь, который являетая логическим выводом из всего сказанного в этом очерке, и

который вот уже 3-й год я считаю наиболее правильным и неопровергнутым реальной, даже революционной, действительностью.

Если власть есть фантазма, если сущность власти кроется в психике человека — разумного животного, то наш путь к анархизму должен лежать прежде всего и раньше всего через эту психику. Вести непосредственную активную физическую борбу с *носителями* государственной власти, этого продукта эмоциональной человеческой фантазии в тот момент, когда фантазма власти глубоко засела в психике большинства, если не всех людей, я считаю по меньшей мере не рациональным и не продуктивным.

В самом деле, как назвать *активную* борьбу где нибудь в медвежьем углу, полным суеверий и предрассудков, с колдунами, домовыми, ведьмами? Всякому из нас ясно, что для того, чтобы бороться с вышеуказанными фантазмами, нужно вести не активную борьбу с теми, кого масса благодаря своей эмоциональной фантазии считаем ведьмой, колдуном, убивая и уничтожая их динамитом и дубиной, что для плодотворной борьбы мало и, даже больше, *неразумно* только призывать массу к непослушанию этим колдунам и ведьмам, к бунту против них, что для успеха нужно, чтобы масса приняла и восприняла *нереальность* этих существ, чтобы масса поняла, что ведьма, колдун, домовой суть продукты их эмоциональной фантазии и ограниченности их знания, их слепоты, их темноты, а ни нечто реальное.

Только такая борьба может и должна вестись со всеми без исключения фантазмами.

Только такая борьба принесет положительные резузьтаты.

Только такая борьба приведет человека к светлому миру анархизма.

Нужно раз навсегда запомнить, что психика человека сложна и многогранна. Революции в ней почти что невозможны, и если и бывают, то бывают лищь, как результат сильных болезненных переживаний отдельных индивидуумов, кончающихся сплошь да рядом не перерождением, а *изуродованием* человека. Лишь отдельные сильные глубокие натуры выходят победителями из таких душевных революций, да и то не всегда. Вот это положение нужно раз навсегда запомнить и учитывать его при определении своей тактики в тот или этой момент истории анархического движения.

Итак, один из главных путей к анархизму есть *борьба с фантазмами* (предрассудками) *путем просвещения человека, расширения его знания, его умственного и духовного кругозора.*

Этим конечно я не думаю отрицать другие пути к анархизму. Я хочу только отметить первенство в настоящий момент истории этого пути.

А другие пути?

Путь революции?!. Имеет-ли он значение? Имеет, но не *самостоятельное* и *не самодавлеющее.* Революция есть лишь вспомогательное средство. Революция ярко обнажает несправедливость, неравенство,

эксплоатацию человека человеком в современном социальном строю. В революционное время ломка старой психики, если можно говорить только о ломке психики, свержение ее идолов и кумиров и замена их реальными величинами совершается в много раз скорее, чем в мирное время. Революцию называют „локомотивом истории“, но существенно правильнее было-бы назвать ее *воспитателем* человека. Правильнее существенно потому, что после всякой социальной (общественной) революции, история со скоростью сверх-локомотива мчится обратно, и только спустя некоторое время, когда сверх-локомотив истории остановлен, и социальная жизнь иачинает входит в свои рамки, заметны результаты революции и заметны, главным образом, если не исключительно, в области перевоспитанности человеческой психики

Таков в самых кратких чертах мой взгляд на революцию.

Бунт?!. Если он следствие социальной (политической или, главным образом экономической) жизни, то он имеет тоже значение и приводит к тем же результатам, к каким приводит всякая социальная революция. Если-же он следствие изменения человеческой психики, ее несоответствия духовно—социальному укладу жизни, то значение его иное и во всяком случае насравненно большее, нежели в первом случае. *Бунт, как следствие изменившагося мировоззрения приводит всегда к началу новой эры человеческой культуры.*

Наконец, сопротивление и неподчинение власти... Или точнее, так называемая, пассивная тактика,—каково мое отношение к ней?

Современные анархисты из революционного лагеря с презрением, с сознанием своего несравнимого превосходства относятся к главным представителям пассивной тактики—Христу и Л. Толстому. „Л. Толстой“—вторят они в унисcон неизменно колеблющемуся интеллигенту М. Горкому, — „призывал к самосовершенствованию, добавляя при этом: не противься злу, насильем...“

„Есть что-то подавляюще - уродливое и постыдное, есть что-то близкое к злой насмешке в этой проповеди терпения и непротивления злу,..“ говорит М. Горький.

„Есть что-то подавляюще - уродливое и постыдное“ в этой перефразировке М. Горького всей сути учения Л. Толстого, ибо Л. Толстой никогда не проповедывал *„непротивление злу“*, как думает М. Горький, он все время говорил о *непротивлению злу насилием.* Между же *„напротивлением злу“* вообще и *напротивлением злу насилием* огромная разница. Это я думаю должно быть ясно всякой неискушенной ложью современного века натуре.

Но отставим М. Горького, перейдем к анархистам. Современные „революционные“ анархисты, смотрящие свысока своей подвальной колокольни на Л. Толстого, посмевшего провозгласить, по их мнению „непротивление злу“, могли при серьезном знакомстве с его учением заметить, что все учение Л. Толстого проникнуто *сопротивлением злу.* Если государство, власть есть зло,—боритесь с этим злом, не подчиняясь ему—

вот сущность всей проповеди Толстого. И Толстой и толстовцы следовали этому принципу не только на словах, но и на деле, не взирая на то, что такая тактика приносила им иногда неисчислимые бедствия и тяжелые физические и нравственные страдания. Истории молодого толстовского движения и близких к нему, полна ссылками, тюрьмами, каторгой, пытками и смертными казнями „за неподчинение и ослушание“. Напомню хотя-бы историю духоборов, их борьбу за свои антигосударственные идеи в России и потом в Канаде (см. об этом недавно вышедшую прекрасную брошюру М. Туган-Барановского). Напомню борьбу толстовцев с милитаризмом (отказ от воинской повинности) Разве это непротивление злу? И разве любой „мирный“ анархист толстовского уклада с своей пассивной тактикой подлинного противления злу (но только не *насилием*) не стоит подлинно неизмеримо выше разных „революционных“ анархистов, принципиальных, например, антимилитаристов, практических же „учетников“? Разве духобор, решившийся пожертвовать всем своим благополучием, и достоянием, но не принимать никакого государственного подданства, противного его космополитическим идеям, не стоит ли во много раз выше революционера — „анархиста“, ищущего себя легальный, „чистой работы“, паспорт, чтобы обмануть бдительность государственных властей и стать легальным *верноподданным гражданином того или иного государства*?

Анархист, антигосударственник, революционер, бунтарь, бегающий на все обязательные государственные регистрации, как своего имущества (оружия) так и себя и своих идей (различные анкеты в государственных учреждениях и предприятиях), усиленно добивающийся паспорта, вида на жительство, удостоверения личности с фотографической карточкой, ищущий покровительства себе и своему делу, а иногда и идее, у сильных мира сего, скрывающийся от воинской и других государственных повинностей на учете в государственных учреждениях, развивающий свою идейную работу (например) книгоиздательство) „честной идейной *торговлей*“, иногда с коплением кругленького капитальца, да еще обязательно „царскими“, помогающий честно государственному строительству, насаждению и укреплению государственного капитализма, покоющегося на прибыли, процентах и ренте — это с одной стороны, а с другой стороны — мирный анархист, гниющий в ссылках, в тюрьмах, на каторге, концентрированных лагерях, на принудительных общественных работах, стойко выносящий нравственные и физические пытки, геройски умирающий на плахе и у „стенки“ за свои интернационалистические, космополитические, антигосударственые и анархические идеи.

Сравните теперь кто из этих двух типов действительно *анархист*, а кто только „анархист“...

Такое же презрительное отношение „революционных“ анархистов и к Христу, этому величайшему из анархистов. Христос, по их мне-

нию, принес человечеству только рабскую мораль, мораль религии и мещества. Христос, всю свою жизнь боровшийся активно, иногда даже насилием (изгнание торгующих из храма), со всеми началами теократической государственности, отказавшийся от реальный возможности стать властелином (происходил из рода Давида; народ неоднократно пытался посадить его на престол), пожертвовавший *собой* для блага человека—этот человек, по мнению „революционных" анархистов, все-таки был государственник, был сторонником государственного принудительного общежития, был сторонником закрепощения и порабощения *человека*.

Единственным доказательством признания Христом государственности для „революционных" анархистов и „иже с ними" служат *иезуитски* цитируемые ими его слова „Воздайте Касарево Кесарю, Божье-Богу".

В самом деле как назвать, если не *иезуитским* толкованием, голое выдергивание отдельных фраз со всего учения Христа? Неужели прытким и ретивым обвенителям Христа в государственности не ясно, что для уразумления истинного смысла этой фразы нужно принимать во внимание все его учение и, что самое, пожалуй, главное в данном случае, принимать во внимание при какой обстановке и при каких обстоятельствах им были сказаны эти слова?

Иудея в то время была покорена и находилась под властью всемогущественного Рима. Кесарь был ее правителем. На лукавый вопрос книжников и фарисеев: нужно-ли платить подать Кесарю, Христос, попросив монету и указав на изображение на ней, ответил: „Воздайте Кесаря—Кесарю, Божье—Богу". Нужно знать, что религиозный закон евреев не дозволял им иметь деньги с изображением человека. Если книжники и фарисеи приняли эти деньги, признали их ради своего благополучия, то своим ответом, в особенности указанием на изображение на монете, Христос прежде всего подчеркнул лживость, трусость, обман и лукавство вопрошающих. Словами же „Кесарево-Кесарю, Божье-Богу" Христос отнюдь не подчеркивал идеи государственности. Ибо что было Кесарева в Иудеи? Ничего! Кесарь был лишь символ, олицетворение, римского насилия, и слова „Кесарево-Кесарю" могут пониматься только так: Кесарева у нас нет ничего, (кроме, насилия), а потому и воздать ему нечего, (кроме разве насилия). Богу же принадлежало все, ибо по учению Христа „Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть", следовательно, ему нужно воздать *все*. Вот каков смысл слов Христа в связи со всем его учением. Он не думал, как это потом проповедывали некоторые апостолы, учителя и как это проповедывают ныне духовенство, богословы и прочие, сказать, что „Все власти от Бога учинены суть". Ибо кроме власти Бога, того Бога, частица которого живет в каждом из нас „(Бог есть дух", „Дух еже во мне"), Христос не признавал никакой власти над человеком.

„*Я есть путь и истина и жизнь*", учил он. И в этих простых словах

он выразил полный анархический идеал, до которого еще и теперь, две тысячи лет спустя, не дошли даже самые крайние „революционные“ анархисты, и до которого еще не скоро дойдут.

В каждом из нас есть частица божества, в каждого из нас, по Библейскому преданию Бог вдунул частицу своего божественного „Я“, „душу разумную и бессмертную“. Пусть же только этот *бессмертный разум* человека властвует на нами.

Всякого, кто захочет властвовать над нами, во имя каких бы то ни было целей, кто захочет превратить „дом отца моего“ в „дом торговли“, будем гнать бичами также, как гнал Христос торгующих из храма. Храм (постоянное местопребывание Бога) — это каждый из нас, торгующие это те, которые хотят войти в этот храм, купить дешевыми демагогическими обещаниями сперва лишь „маленькое тепленькое местечко“ себе в этом храме, а потом превратить его в „дом торговли“, чтобы торговать оптом и в розницу нашей свободой и нашей жизнью.

За бичи—и погоним торгующих и покупающих, превративших храм в „дом торговли“, в „вертеп разбойников“.

Опрокидывайте столы и скамьи этих менял торгашей, и разбойников, обманным и насильным путем пристроившихся и устроившихся в „доме Отца“ нашего. Столы, скамьи и деньги—это необходимые учреждения и установления этих менял, торгашей и разбойников. Они нужны им, но не нужны нам.

Сметайте и уничтожайте всю гадость и мерзость, занесенную в вашу душу, в Храм, этими насильнниками. Если же благодаря долгому пребыванию их в этом храме накопилось слишком много грязи — не бойтесь и разрушайте все до основания. Новый храм мы воздвигнем в три дня...

Будем следовать по стопам Великого Учителя не только на словах, но и на деле,—и тогда наше желание „да будет Царствие Твое, да будет воля Твоя“ осуществится здесь „на земли“ в самом скором будущем.

„Царство Божие внутри вас самих“. „Вы — свет мира“. „Вы — соль земли“.

Труден и тернист наш путь, но „блаженны изгнанные за правду“, „блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески злословить“.

Смело, с чистым сердцем, с любовью к ближнему и к истине, что часто забывается в борьбе,—вперед, навстречу близкому, лучшему будущему *человека*. На своем пути берегитесь тех, „которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их“.

Б. С.

Призыв!

(Приложение к письму, адресованному товарищам морякам).

Так очнись же ты, обездоленный,
Окровавленный, весь измученный!
Выпрямь спинушку ты, могучую,
Возьми пушку брат, ты, гигантскую!
Поверни ее, измени прицел,
Бацни в голову ты, змеиную,
В деспотичную, паразитскую,
В буржуазную, власть имущую!
Размажжи ее ты, во-дребезги,
Дабы было бы всем трудящимся
Разделить добро строго поровну!
В порошок сотри с лица земли
Всех богов — воров, крови алчущих!
Динамитом пусть они все насытятся,
Пышным пеплом... приоденутся.

* * *

Человек трудовой! Ты гори, пылай, как огонь лихой,
Очищай свой путь, как тайфун морской.
Несись стрелою огненной от полюса и до полюса!
Рушь все ненужное, рабское, гадливое!
Перестраивай жизнь тяжелую, могильную, заунывную...
Освещай лучами яркими склепы мрачные, тюрьмы смрадные...

* * *

Греми набат! Ты сзывай людей,
Зажигай сердца искрой огненной,
Изгоняй из них вечный рабский страх —
Превращай их всех в Стеньку Разина!..

* * *

Пусть меч—титан прахом рушит все,
Очищает путь широкую, тернистую, кровавую...
А на пепле сем творит жизнь новую —
Жизнь свободную, равноправную!

* * *

Революция социальная! Развивай свой ход,
Углубляйся вглубь, расширяйся вширь!..
Принимай на грудь волнистую
Батраков-бедняг, жизни ищущих...
Вручи смело им флаги черные,
Флаги черные — анархистские,
Напиши на них свои лозунги:
„Братство, равенство всего человечества"!
Пусть свободная мать — анархия
Будет бесконечно петь песни радости!

Моряк **Петр Скурихин.**

Петроград 10 декабря, 1918 года.
Социалистическая тюрьма
на Гороховой, 2.

Бедноте.

Организуйся беднота,
Выходи с подвала!
Пусть исчезнет темнота
Ради идеала.
Себе дорогу пробивай
Собственной рукою!
Цепи рабства разбивай
Не ходи с клюкою.
Довольно тяжести носить
И вечно пресмыкаться!
Пора по новому зажить
За дело смело взяться.

Слесарь **В. Волков.**

Как следует устроить в городах настоящую вольную жизнь.

Большинство тружеников всех профессий теперь разочаровалось в революции и не знают во что верить, на что и на кого надеяться. Правда, разочароваться было из-за чего. Окружающее наводит на мрачные мысли. Много различных предприятий, учреждений, заводов и фабрик закрылось, другим угрожает закрытие. Горожане видят, что в городах не хватает не только того, что трудно достается, но даже и того, что кругом в громадном изобилии. Так например: жителям Петрограда угрожает в ближайшем будущем ужасный холод из-за отсутствия топлива; закрываются по той-же причине много фабрик и заводов, трудящиеся массами выкидываются на улицу на голодную и холодную смерть, — в то-же время вокруг Петрограда лесов во все стороны на сотни верст, имеется также и водяное, и железнодорожное, и шоссейное сообщение во все стороны. Кроме того, близь города имеются громадные залежи торфа и горючего сланца.

И всякому теперь становится ясно, что беда вся в том, что жителям не дают возможности самим устроить свою жизни, а власть имущие не умеют, да и не могут все сами сделать, так как это им не по силам. Горожане бедствуют еще и потому, что деревня на деньги ничего не соглашается продать, так как ей денег некуда девать, а уступает свои продукты только в обмен на вещи, на матерои, гвозди, одежу, металлические изделия, да на нужные ей продукты, как то: соль сахар, чай, керосин, мыло и тому подобное. Между тем, вследствие прекратившагося производства жители города сами во всем этом нуждаются.

Всякий и каждый понимает, что дальше так жить нельзя. Скоро все производство, все фабрики и заводы станут. В особенности разочарованы и приходят в отчаяние те, кто побывал под властью, как белых сторонников учредилки, да монархии, так и под властью красных большевиков (коммунистов) и испытали на собственной своей шкуре и наблюдали на своих родных и близких, как и та и другая власть над ними властвует. Волосы становятся дыбом, кровь в жилах холодеет, если перечислить все то, что творят белые там, где они хозяева, и не только над сторонниками красных и над коммунистами, но и

вообще над рабочими и крестьянами. Та-же картина ужасов, где хозяевами становятся красные, и они, подобно белым, расправляются не только со своими врагами, но со всеми теми, кого власть почему либо считает своим врагом. Власти, белые да красные, как будто сговорившись, взяли на себя труд доказать всему русскому народу, что всякая власть никуда не годна, и что от нея народу только одно несчастие, да горе. И сознание, что власть не нужна, что она вредна и гибельна для трудящихся все более и более начинает проникать в народ.

Мы со своей стороны обращаем внимание всех трудящихся, что-бы они не расчитывали, и не надеялись на то, что может, наконец, явится такая власть, которая все устроит и наведет хорошие для всех порядки. Такой власти нет и быть не может. Обещать многие могут, а только ничего не исполнят. Вспомните, чего только не обещали большевики, а многое-ли из обещанного исполнили. Обещать очень легко, а вот сделать что-нибудь—исполнить обещанное—трудно.

Многие говорят: „Пусть возьмут власть анархисты — посмотрим, что они сделают". На это мы отвечаем: анархисты никогда, никакой власти не возьмут, так как это противоречит самой идеи анархизма, да и если-бы и взяли, то так-же, как и другие партии, ничего хорошого сделать-бы не смогли. Разница между анархистами и всеми партиями и заключается в том, что анархисты это хорошо сознают, ничего никому не обещают, а убеждают рабочих и крестьян не давать никому над собой власти и без всякого насилия самим организовывать все свои дела. Все трудящиеся сообща, общими усилиями смогут создать красивую жизнь, полную равенства и свободы, без всяких насилий одних над другими, без всякой власти. И это произойдет тогда, когда значительное большинство само этого пожелает и энергично примется устраивать свою жизнь помимо всех власть имущих. Мы не беремся точно указать, когда это случится, но что это случится, для нас нет никакого сомнения. Сейчас нам ясно одно: народ приходит постепенно к сознанию, что ему гораздо легче и лучше станет житься, если никакой власти не будет.

Если-бы где-нибудь, в довольно большом маштабе, соорганизовалась общественная жизнь без всякой власти, то такому примеру быстро последовали-бы один народ за другим, одна страна за другой. Трудно только первым указать пример,—„лихо дело начать".

Какую-же роль в таком строительстве будут играть анархисты? Особенно—никакой: каждый анархист будет обыкновенным, рядовым работником, прилагающим свои усилия на пользу общего дела, работающим в рядах масс и помогающим им в их строительстве. Заветные мечты о жизни без власти, без насилия, воплатятся в жизнь, восторжествует идея анархии, роль-же каждого анархиста будет зависить от его личных способностей, таланта и качеств. Многие сделают тогда многое для идеи анархизма, а то, что уже указано анархистами теперь, послужить богатым материалом для народного творчества.

Легко будет устроить в деревнях анархические коммуны. Для начала таких коммун уже много сделано. Не одна коммуна уже сорганизовалась. Как они будут жить и развиваться—это покажет будущее, хотя и теперь уже мы знаем, что в Канаде духоборы живут такой коммуной в количестве пятнадцати тысяч человек более 17 лет, и живут во много раз лучше, чем живем мы в государстве. А между тем свою свободную жизнь духоборы начали буквально без всего. Едва достали плуги; на лошадей уже не хватило средств, пришлось самим впрягаться в плуги, и пришлось впрягаться женщинам, т. к. мужчины пошли на заработки. Так начали духоборы свою жизнь в Канаде, а теперь—это богатейшая коммуна, за одну часть их имения канадцы им предлагали 10 миллионов золотом. На выставках в Канаде они получают первые премие за фрукты, овощи и консервы.

Нет сомнения, что устроить такую жизнь в городе гораздо труднее, но и это осуществится, и появится тогда настоящий вольный город.

Постараемся-же себе представить большой город с окрестностями, в котором жители устроились совершенно без власти, без всякаго, насилия и посмотрим, да обсудим со всех сторон жизнь в таком городе. В большом городе не будет тюрем, судей, милиции, чрезвычайных коммиссий по борьбе с контр-революцией и спекуляцией; не будет денег, никакой торговли, никакого наемного труда; не будет никакой власти, не только назначенной, но даже и выборной; не будет ни законов, ни дикретов, и жители будут в своем поведении руководствоваться установившимися у них обычаями; не будет и частной собственности, все будут пользоваться тем, что им нужно.

Прежде всего, посмотрим, как могут поставить у себя на заводах и фабриках дело сами рабочие, без всякой власти и приказов сверху, и сделаем сапоставление с тем, что мы имеем теперь на фабриках и заводах. Теперь рабочие на фабриках и заводах, как были при хозяевах—капиталистах нанятыми поденщиками, так и остались ими-же. Разница лишь та, что теперь фабрики перешли в собственность, так называемого, Рабоче-Крестьянского правительства, в собственность социалистического государства (Собственно говоря, заводы и фабрики находятся в полном распоряжении правящей теперь партии коммунистов-большевиков). Но всем, ведь, известно, что и при царизме было много казенных заводов и фабрик, рабочим-же жилось ни чуть не лучше на них, чем на частных. Положение-же рабочих на теперешних казенных заводах и фабриках такое-же, как и на прежних казенных заводах. Единственное достояние и преемущество—это 8 часовой рабочий день.

И теперь, как и прежде, рядовые рабочие (не начальство) лишены возможности повлиять на успешный ход дела на своих фабриках и заводах. Многие из рабочих ясно видят, где и в чем недочеты, как можно их устранить, но они не имеют возможности это сделать. Вла-

ствуют на заводе фабричные комитеты, администрация, да коллективы коммунистов, часто интригуя друг против друга в ущерб самому делу. Рабочие же даже не могут повлиять на своевременную доставку топлива или сырья. Если же завод или фабрика от недостачи того или другого закрывается, то все рабочие с семействами своими остаются без куска хлеба, хотя причина неполучения топлива, есть преступная небрежность тех лиц, которым это было поручено.

Рабочие инстиктивно чувствуют, что они, как были, так и остались — прежними наймитами, что их эксплуатируют по старому (прежде собственники—фабриканты и заводчики, теперь собственник, хозяин—государство), а рабочие комитеты и профессиональные союзы это красивая и обманчивая декорация и удобная ширма, за которую очень хорошо и удобно прятаться настоящим распорядителям завода и эксплуататорам рабочих. Эти учреждения не стоят на защите интересов рабочих масс против предпринимателя—собственника заводов—государства, а только послушное орудие в руках настоящих распорядителей заводов и фабрик.

С рабочими власть имущие распоряжаются по старому. Как и прежде за всякую агитацию против хозяина-фабриканта, администрация заводов и фабрик выбрасывала с заводов рабочих, а правительство их заточало в тюрьмы, так и теперь за всякое неосторожное слово против коммунистической власти, против администрации завода, против заводского комитета или против професионального союза, рабочий немедленно вылетает из завода и попадает в лапы чрезвычайки, а оттуда прямо в тюрьму.

Но хуже всего то, что прежде рабочий, будучи выброшен администрацией с завода мог все-таки попасть на другой завод, теперь же рабочему, уволенному с одного завода, трудно и почти невозможно попасть на другой завод. Прежде всякий рабочий мог по своему усмотрению когда только пожелает, перейти с одного завода на другой, теперь и в этом рабочие ограничены: большевитское правительство лишило права рабочих переходить с одного завода на другой и даже, что противоречит всякому понятию о свободе, лишило права рабочих по своему желанию оставлять завод и заняться другим делом. Это делает рабочих не свободными гражданами, а крепостными заводов и фабрик. Только во времена крепостного права крестьяне не имели права оставить деревню и заняться другим делом, а заводские рабочие не имели права оставить завод. Так неужели же нам нужно возратиться к этим дурным давно забытым распорядкам?!

Мы анархисты от всей души отвергаем это и говорим: заводы, фабрики, рудники и все предприятия должны перейти в полное и непосредственное распоряжение самих рабочих, так что бы каждый рабочий (как специалист, так и простой чернорабочий) чувствовал и сознавал себя активным участником во всех начинаниях, во всех распорядках и работах завода или фабрики.

Каждый рабочий должен быть уверен, что его с завода никто не может уволить, разве только за какое-нибудь очень большое преступление и то только по постановлению общего собрания всех рабочих на заводе, и единогласно а не каким-либо большинством. Он также должен быть убежден, что если на него или его семейство, кто либо посягнет, то весь завод за него заступится, а мало—то и весь союз. Сам же рабочий может, если он пожелает, оставить завод или перейти на другой, предупредив лишь об этом своих товарищей за несколько дней.

Найдутся лица, которые могут сказать, что лучше всего будет тогда, когда каждый завод и фабрика перейдут в полную *собственность* тех рабочих, которые на них работают. Это будет неправильно. Ибо фабрики и заводы бывают различные: на одной фабрике самые усовершенствованные машины, а на другой устаревшие. На первой—можно приготовить больше товаров и лучшего качества, чем на второй за то же время тем же количеством рабочих. *Собственность* рабочих на заводы и фабрики внесла-бы неравенство между трудящимися. Рабочие одних фабрик и заводов разбогатели бы и пользовались бы всем в излишестве, рабочие же других — нуждались-бы в самом необходимом. Кроме того, если-бы фабрики стали собственностью рабочих, то они могли-бы продать фабрику и на вырученные деньги зажить дармоедами, что — не желательно. Наконец, рабочие некоторых заводов могли бы и не пустить на свои фабрики новых рабочих, что также не может быть допущено. Вот почему все рудники, фабрики, заводы и все предприятия, как и земля, *должны принадлежать всему народу*, и только быть в распоряжении, тех рабочих, которые на них работают. Все результаты их трудов пойдут в общие склады для распределения между всеми трудящимися согласно их потребностям. В этих распределениях рабочие должны обязательно участвовать, и каждый рабочий должен видеть, что распределение правильно.

Необходимо, чтобы на заводах и фабриках рабочие устроили так, что бы там все решалось общим собранием рабочих, чтобы общее собрание рабочих было бы действительным распорядителем своего завода и своей фабрики и всех своих дел. А для этого рабочие не должны давать своим выборным никакой над собой власти. Все выборные рабочих должны быть только исполнителями решений общих собраний и находиться под строгим контролем всех рабочих. Да и представителей выбирать нужно только в тех случаях, когда имеется какое-либо определенное дело, при чем от общего собрания выборный должен получить точные указания, как действовать, а в случае непредвиденных общим собранием, вопросов и обстоятельств, выборный должен, если только возможно, вновь обращаться к общему собранию за указанием. Чтобы общее собрание являлось действительным распорядителем всех дел на заводах и фабриках, эти собрания должны собираться довольно часто и на эти собрания следует собираться всем рабочим и служа-

щим завода. Причем, каждому рабочему на собрании не следует быть бессловесным статистом, только голосующим за то или другое предложение, а быть лицом активным, сознательно решающим тот или иной вопрос. Общее же собрание рабочих должно и распределять между всеми работу. Перед общим собранием каждый рабочий и каждая мастерская будет и отчитываться за свою работу. Сами на себя рабочие непосильной работы не положат, и ни с кого лишней работы не спросят.

Рабочие уже в течении двух лет могли испытать и проверить, насколько для них и всего дела необходимо все заводское начальство, как выборное, так и назначенное. Мы утвеждаем, что всякое начальство вносит на завод одну только путанницу и разлад, и полагаем, что если большинство рабочих серьезно обсудят этот вопрос, то придут к заключению, что гораздо лучше, что бы заводом управляло общее собрание всех рабочих завода.

Нет надобности на заводах и фабриках устанавливать также и всяких надсмотрщиков, так как при правильной постановке дела это будет излишне. Когда рабочие будут чувствовать себя на заводах полными хозяевами всего рабочего дела—а не поденщиками, как теперь— тогда все они будут заинтересованы в том, чтобы работа шла у них на заводе, как можно успешнее. Каждый рабочий при таком положении будет находится под действительным контролем своих товарищей, а от внимания всех ничего не скроешь,—всех товарищей не обманешь. Взаимный контроль, соревнование, самолюбие и сознание своего благополучия лучше всего побудят рабочих быть старательными. Те же побуждающие причины—лучшая порука в поднятии интенсивности труда и искоренение лени и тунеядства. Надсмотрщики же—стыдный, позорный остаток времен рабства и крепостничества, да излишний расход—содержание тунеядцев, под видом борьбы с тунеядством.

На всех теперешних заводах, бывших частных, акционерных и даже казенных произошла такая перемена, что рабочим пойти дальше, стать самим непосредственными распорядителями заводов и фабрик, стоило бы не таких уж больших усилий. Но добьются они этого все-таки только в том случае, если значительное большинство из них придет к такому решению и самым энергичным образом станут настаивать на такой постановке дела. Для нас нет сомнения, что если рабочие достигнут того, что заводы и фабрики будут полностью в непосредственном их распоряжении, то это вольет живую струю, струю творчества в их работу и во всю их жизнь. Работа всюду закипит, появится инициатива, изобретательность. Общими усилиями рабочие из под земли, как говорится, добудут и сырье и топливо и уж, конечно, не закроют заводов в лесах из-за недостачи топлива. Добровольно мобилизуют себя, в крайнем случае, на заготовку и доставку топлива, но топливо все-таки добудут.

По каждому производству рабочие известной местности сами установят, каким способом и откуда добыть сырье, нужные машины и

топливо и в какой пропорции это между собой поделить. Также они решат: какую работу какой завод на себя возьмет. Общие вопросы относительно фабрик и заводов всего края будут обсуждаться делегатами рабочих на своих с‘ездах. Здесь же нужно заметить, что на с‘ездах только будут намечаться вопросы, сводиться статистические данные, а собственно *решать*, что вводить в жизнь и что нет, будут рабочие на местах на своих общих собраниях, сообразуясь, конечно, с полученными данными и сведениями. Рабочие сами себе и своему делу не враги, а потому и без всякого насилия и приказа сверху, от власть имущих, будут проводить в жизнь все, что с‘езд признает необходим, целесообразным и полезным. Ведь, могли же частные и казенные дороги разных государств при буржуазном строе сговориться для общей, выгодной им всем, работы: пересылать товары и провозить пассажиров, ввести однообразные расчеты и тарифы и т .д. Здравый смысл и прямая выгода побудили их это сделать.

Куда бы и для какой цели рабочие не выбирали бы своих представителей никакой власти и никаких прав самолично решать вопросы они им не должны давать.

Мы не беремся вырабатывать инструкции общих собраний, так как хорошо понимаем, что на заводах в несколько тысяч человек собираться нужно будет не всем вместе, а отдельно—по мастерским, а на маленьком заводе, в несколько сот человек, удобнее будет собираться всему заводу. Мы только утверждает, что для собственного благополучия рабочие должны все вопросы решать сами, а не поручать их решать за себя своим выборным,

Все рабочие и их семьи в городе будут пользоваться всем совершенно безвозмездно. Как мы теперь пользуемся мощеными улицами, тротуарами, освещением города, музеями, даровыми библиотеками и больницами, так тогда будут таким же образом пользоваться трамваями столовыми, банями, школами, железными дорогами, жилищем и одеждой. Все это будут они получать и всем этим будут пользоваться в размере действительной в этих предметах каждого надобности, а не по заслугам или по труду.

Никаких преимуществ, никаких привелегий ни один человек в вольном городе перед другим не может иметь, какой бы он не был специалист, какими бы он знаниями и талантами не обладал,—будь то инженер, химик, бухгалтер, механик, слесарь, токарь, художник, артист, певец или профессор. Каждый служащий и каждый рабочий необходимы на своем месте. Без кочегара и его помощников, без чернорабочих, уборщиков на заводе не обойтись также, как не обойтись без инженера, слесаря и токаря. Всякий из них работает по мере своих сил, спобностей и знания, а получает он и его семья по действительной потребности. Это самая правильная и справедливая постановка дела.

Специалисты скажут; „Помилуйте! Я столько лет обучался, что бы стать инженером, а вы мне не даете никаких преимуществ даже перед

простым чернорабочим!“ На это мы ответим: если кто много лет чему либо учился, то это вовсе не дает ему права на пользование большими благами жизни в сравнении с теми, которые ничему не обучались. Напротив, обучаясь, человек становится должником общества. Чтобы сделаться, напр., инженером, нужно учиться более 12 лет и все это время учащийся ест, пьет, одевается пользуется разными удобствами и удовольствиями, а сам за это время никакой пользы обществу не приносит или приносит очень мало. Если сосчитать во что обществу обходится каждый инженер, то приходишь к выводу, что он—неоплатный должник. Между тем чернорабочий, ничему не обучавшийся, все время работает, и часть его труда переходит в общую пользу. Чернорабочему общество ничего не дает, а от него берет, а потому общество само перед ним в долгу. Вот почему было-бы несправедливо тому, кто должен обществу, еще и больше давать или представлять какие бы то ни было преемущества, в сравнении с тем, перед кем общество само в долгу. Тоже относится и ко всем, так называемым, специалистам заводского дела; слесарям, токарям, столярам и прочим мастерам. Все они, находясь в обучении, едят, пьют и одеваются за счет общества, а потому и ставить их в какое то превилигированное положение не только нет оснований, но было бы даже несправедливо.

Кроме того, потребности инженера, токаря и чернорабочего в еде, пище, питьи, одежде и т. д. — одинаковы. Так почему же ученым, специалистам да мастерам давать такие преимущества?

Сторонники особых преимуществ часто указывают на то, что эти лица привыкли совершенно иначе жить, чем чернорабочие, что у них вырабатались другие потребности, чем у простых чернорабочих, что наши рассуждения об одинаковых потребностях — неправильны. На это мы ответим, что устраивая новую жизнь, мы будем стремиться не к тому чтобы всем опуститься до положения теперешних чернорабочих. Наоборот, условия свободной и подлинно равной жизни поднимут *всех*, без исключения, на должную человеку высоту, и тогда появится у всех потребность и к лекциям, и к литературе, и к театрам, и к искусству, и к науке и т. д.,—появится потребность, скажем коротко, к более высокой культурной жизни. А вот буржуазные привычки эксплатировать других и раскошествовать в то время, как другие находятся в нужде, отойдут в область воспоминания и предания.

Нам могут возразить, что в таком случае инженеры и прочие специалисты не захотят и не будут работать на фабриках и заводах. Если такие порядки установятся на всех фабриках и заводах всей России, то специалистам некуда будет деваться (и теперь они ищут и нуждаются в местах), и они волей или неволей вынуждены будут приступить к работам на заводах и фабриках. И тогда они станут вполне равноправными, но без особых привелегий, работниками.

У некоторых лиц является сомнение да станут-ли в таком случае

учиться, если за это явных преимуществ никаких не будет? Для нас нет никакого сомнения, что учиться будут. Ведь, заводы будут находиться в полном распоряжении всех, на них работающих, и каждый из работающих будет заинтересован, что бы тот завод, на котором он работает был-бы, как можно более производительным, и для этого каждый будет прилагать все свое старание, будет учиться и всесторонне изучать дело. Да кроме того людей к знанию тянет, не матерьяльные выгоды и преимущества, а врожденные в людях *пытливость*, *жажда знания* и тот почет, то уважение, которым пользуются всюду люди знания, а также сознание громадной пользы, которое приносит всякое знание человеку и обществу. Все это вместе взятое всегда будет побуждать людей работать, напрягая все усилия, для науки, художества и искусства. Вознаграждаться же эти люди будут не матерьяльно, а духовно — славой и почетом.

Григорий Сохновский.

Еще ничего не добыто,
А вы радуетесь, словно дети.
Еще прошлое не изжито,
Еще свищут над вами плети,
Не разрушены рабские цепи,
Еще царствует власть с капиталом,
А вы, словно малые дети,
Поверили всяким обманам!
Станьте взрослыми! Сбросте повязки
С своих глаз вековых предразсудков.
Позабудте те лживые сказки,
Что царили над вашим разсудком.
Разогните согнутые спины,
Дав свободу надломленной груди,
Растоптав вековые святыни!
Станьте мудры, свободные люди!

Ваня Л.

Синдикализм, анархизм и русская революция.

Российский пролетариат—рабочие и крестьяне положительно не имеют представления, что из себя представляет синдикализм и что такое анархизм, и в ходе самой жизни, в процессе нашей Великой Революции, творят, как одно так и другое. Правда, все это происходит стихийно, бессознательно и при сильном тормозе господствующей партии коммунистов (большевиков), которая старается положить предел всякому свободному проявлению коллектива, стремящагося построить жизнь не сверху вниз, а снизу вверх.

Но какие бы тормазы и препятствия не чинило коммунистическое правительство, мы все же начинаем видеть, как растет и развивается синдикалистское движение, проникая в самые отдаленные уголки современной экономической жизни.

Кто может сказать, что у нас всюду на местах—и в деревнях и в городах — нет рабочих организаций? Никто. Правда, на все эти организации покушается власть, намеривающаяся превратить все эти организации в послушных государственных рабов, исполняющих волю единого, могучего централизованного кулака-государства. И государству (коммунистуческому государству) этого отчасти удалось достигнуть: мы являемся очевидцами, как все профессиональные союзы — огосударствлены, порабощены и превращены в бездушные трупы. На фабричные и заводские комитеты смотрят, как на подметалов-халуев, пресекая всякую их самостоятельность и попытки творить самостоятельно новую свободную жизнь на местах. Ту же политику наблюдаем мы и в аграрном вопросе деревни. И все же при таких громадных препятствиях жизнь и новое строительство на местах, хотя очень медленно, но начинает постепенно принимать форму самостоятельного свободного почина, борясь со всеми государственными мертвящими преградами.

В этом начинают убеждаться даже некоторые большевики. Р. Арский, например, в статье „Рабочая жизнь", помещенной в Известиях (за № 103) ВЦИК. Советов, пишет: „В Рссcии совершается в на-

стоящее время грандиозный переворот, равного которому по силе и по размаху не знала еще история. На местах производится стремительное строительство новой жизни. В нем принимают участие рабочие организации, профессиональные Союзы, заводские комитеты, *коммунистическая партия*, словом, все организации пролетариата". (Курсив мой).

С тем, что рабочие принимают живое участие в работе экономических организаций на местах, мы вполне солидарны и знаем, что это есть просто синдикалистский метод строительства новой жизни, участие рабочего класса в достижении своей конечной цели — анархической коммуны. Это для нас ясно. Но какое отношение имеет к этому коммунистическая партия или другие партии?..

Все партии, без исключения, есть прежде всего политические группировки по принциальным вопросам, стремящиеся захватить власть в свои в руки и путем „демократического" централизма налаживать жизнь сверху — насильственно, тогда, как синдикализм, вызываемый самой жизнью, об'единяя рабочую массу на местах по производству, организуя ее снизу вверх, создает местные центрики, об'единяющиеся на федеративных началах в районные, городские, областные и общероссийские экономически-*регулирующие центры*.

Индустриальные рабочие, если еще не совсем поняли, то скоро поймут, что никакая власть, никакая партия их не освободит, что необходимо им *самим*, своими рабоче-крестьянскими организациями, приняться самостоятельно за дело свободного строительства.

На ряд всевозможных фактов самоорганизации низов, на проявляющеюся самодеятельность трудовых рабоче-крестьянских масс, нам анархистам уже неоднократно приходилось указывать большевикам. Но якобницы-государсвенники, отворачиваясь от фактов, обычно отвечают: „Вы, анархисты, все любите обобщать, малейшее проявление самодеятельности низов в вашем анархическом духе — вы стараетесь преувеличить, раздуть"... И в подкрепление своей правоты, заводят обычную песенку, что крестьяне и рабочие еще сами не способны творить свободный социализм (анархизм), ибо они еще темны и невежественны; сами они не смогут управлять в свободном обществе своими свободными, независимыми организациями, а потому - де управление страною должно сосредотачиваться в едином властном центре, в государстве, или точнее, в руках рабоче-крестьянской власти.

Мы постараемся доказать большевикам, что они не правы в своей попытке насаждения сверху, принудительно, при помощи государственного аппарата, социалистического строя в России. Для этого мы напомним слабопамятным один исторический факт из нашей революции.

Два года тому назад пролетариат России — рабочий и крестьянин—был еще темнее и невежественнее; он был робок и запуган; он был воспитан рабски, и рабская была у него психология. Если это

так, то мы спрашиваем, большевиков: почему же в октябре, 1917 года вы, поднимали трудящихся на социальную революцию? Ведь, все ваше социаль-демократическое учение уверяло, что социальную революцию можно делать только тогда, когда назреют об'ективные условия! А что значит об'ективные условия? Это значит высокое развитие культуры, высокяя техника, концентрация капитала и т. п. условия. Мы Вас спрашиваем, были ли у нас такие об'ективные условия? Нет, их небыло! Всякому известно, что Россия в этом отношении, самая остальная страна. Октябрьский переворот совершился под нашими народнически - анархическими лозунгами, вами у нас украденными. Вы в октябре не были ортодоксальными марксистами. Вы были революционерами, пошедшими за восставшим „невежественным" пролетариатом России. Мы анархисты всегда говорили, что социальная революция не делается от ожидания об'ективных условий, что она будет результатом невыносимого более трудящимися ига, как политического так и, в особенности, экономического... Русский народ, доведенный до последних пределов терпения романовской династией, поднял бунт, революцию, в фев., 1917 г... Трудящиеся России, несмотря на свою 82% неграмотность, техническую и культурную отсталость подняли знамя социальной революции в октябре, а ныне стоят в авангарде мирового „культурного" пролетарлата... И если трудящиеся России год тому назад могли поднять знамя социальной революции, то теперь они смогут творить самостоятельно жизнь. Так думаем и рассуждаем мы анархисты. По вашему, получается иначе: два года тому назад рабочие и крестьяне были не темны, достаточно сознателны и подготовлены, чтобы начать социальную революцию, а теперь, когда вы, большевики, перестали быть революционерами, когда вы стали государственными мужами, правителями, присосались к государственному пирогу власти, — теперь рабоче-крестьянские массы, по вашему безапеляционному мнению, стали темны, невежественны, неподготовлены, чтобы взять производство и земли в руки *своих* рабоче-крестьянских организаций...

Нет! говорим мы: рабочие и крестьяне, пройдя трех - летнюю революционную практику, смело могут начать творить самостоятельно свою жизнь, управлять своими коллективами, и нет надобности прибегать к помощи государства, порождающего бюрократизм и убивающего самодеятельность масс.

Стоя на точке зрения свободного творчества и самодеятельности трудовых масс, укажу государственным „строителям" на некоторые факты этого творчества и самодеятельности, имеющие огромное значение в поднятии производительности и без помощи государственной опеки. В харьковской вечерней газете „Красная Звезда" было помещено такое характерное сообщение под заглавием: „Усиление производительности труда". „Рабочие... Костромского маталлического завода, по соглашению (а не принуждению) с Наркомпродом, взяли на себя та-

подряд: железная дорога дает им хлам—ломанные паровозы и вагоны. Рабочие, не оставляя своей работы и давая за нормальную плату прежний нормальный труд, совершенно безплатно для государства, просто, делая свой труд более энергично, чинять все это. Так, починили они в три недели один паровоз и 35 вагонов. За все это они получают право посадить на поезд свою бригаду и отправить за хлебом, свои собственный продовольственный отряд, которой заготовил два миллиона пудов (один миллион для себя и один миллион для местных нужд)".

Крестьянские массы также проявляют инициативу в самоорганизации и самотворчестве, организуя на местах волостные синдикаты хлеборобов. Крестьяне теперь воочию убеждены, что все помещечьи имения не перешли в непосредственное владение их крестьянских организаций, а перешли все в ведение государства, стали советскими имениями, где, конечно, существуют управляемые и управители, где введен наемный труд под руководством „специалистов". К такому начинанию большевиков в деревне, к проведению государственной коммуны — отношение крестьян, конечно, отрицательное. И это вполне понятно, ибо штыком и насилием нельзя осуществить коммунизма. Крестьяне Великороссии и Украины не восприняли государственную коммуну, инстинктивно почуяв в ней принуждение и порабощение человеческой личности. Они почувствовали, что вместо прежних эксплуататоров-помещиков, им, под соусом советской власти, хотят поставить нового эксплуататора, кулака—государство.

Да и сами большевики увидели после довольно продолжительного опыта, что их коммуна государственная не воспринимается массою, вот почему некоторые из них (коммунистов) забили отбой. Вся большевитская пресса, так рьяно раньше кричащая о развивающихся коммунах, в особенности в Великороссии, в последнее время почти замолкла о них.

В противовес большевитской государственей коммуне крестьяне во многих местах России (Костромской, Смоленской, Владимирской и др. губерниях), организуют, свои волостные крестьянско-профессиональные производственные союзы хлеборобов, об'единяющие снизу, вверх все организующиеся на местах, свободно-возникающие независимые артели, коммунны и другие производственные коллективы. Крестьяне теперь знают, что если раньше и организовались в какой-либо волости несколько коммун, артелей, то они были оторваны от всей волости, что в интересах их самих необходима спайка между такими коммунами и артелями. Вот почему некоторые волости, поняв свои интересы в целом, собирают волостное собрание (сход) полностью, или посредством посылки делегатов со всех деревень, входящих в данную волость, и посоветовавшись и обменявшись мнениями, организуют профессиональный союз хлеборобов целой волости. Волостные союзы, как экономические (но не властно-командующие) центры, помогают

крестьянам организовать производство на местах: культурной работой, инструктированием, собиранием статистики и т. п. работою. Сами же артели, общины и коммуны, как производственные группы, налаживают производство и своими Коммунальными Советами управляют хозяйством, имея полную независимость и автономность.

Волостные союзы хлеборобов в недалеком будущем будут организовываться в уездные, губернские и областные профессиональные союзы, (и таким образом, получится федеративная связь всех коммун и артелей), которые войдут в тесный контакт с индустриальными рабочими разных городов и наладят между собою товарообмен.

В образовавшихся крестьянско-профессиональных союзах есть уже свои письменные уставы, в которых говорится, что без вмешательства сверху какой бы то ни было политической власти, союзы *ами* своими организациями должны строить свою новую жизнь, борясь со всеми государственными препятствиями. Эту столь правильно понятую крестьянами организацию своих союзов можно только приветствовать и всеми силами нужно помогать молодому здоровому делу.

Чтобы не быть голословным укажу на пример Боровской волости Смоленской губ., где эти синдикалистские методы уже осуществляются в жизни. Вот что организовал и наладил Союз свободной общины (из 17 дер.) Боровской волости: 1) мельницу, 2) черепичный завод, 3) телефоны с городом, 4) Народный дом, 5) сельско-хозяйственную школу, 6) в проекте электрический двигатель, 7) приступлено к общественной обработке полей, 8) расплату со своими рабочими продуктами своего труда 9) Совет. чисто экономического и распределительного характера. „Коммунисты" предлагали субсидию и пытались понудить Союз идти под их флагом. Но Союз отказался (как отказался от приказания властей ловить дезертиров. Свой последний отказ Союз мотивировал тем, что в Союз входят свободные люди, а не жандармы). Устав Союза большевики не утверждают.

Из приводимых выше фактов ясно, что крестьянин жадно ищет выхода из своего безвыходного положения. Он ждет и ищет совета и только совета, а не командования над собой. Ему, этому вечному пахарю земли, как практическому работнику, понятны только одни интересы земли и интересы коллективно-общественного труда в отношении устройства его трудовой общинной жизни.

Ничего от власти крестьянин не ждет и не хочет ждать.

Конечно, между желаньем крестьянина и суровой действительностью есть разница: вместо его заветного желания—самостоятельно усраивать свою жизнь—ему под соусом „советского специалиста" да комиссара садят нового старшину, который по прежнему командует и начальствует над крестьянами, начальствует и политически и экономически.

Все „кулацкие восстания" служат ярким показателем того, на-

сколько государственная власть не сумела подойти к крестьянскому вопросу.

А заградительные отряды?.. Ими государсвенная власть создала непроходимую пропасть между городским пролетариатом и крестьянством.

Крестьянские коммуны только тогда зацветут пышным цветом, только тогда смогут улучшить крестьянскую жизнь, когда они станут самоуправляющимися, автономными, трудовыми ячейками (как социально-производственные союзы), вступающими в союз с такими же трудовыми свободными коммунами. Этим путем может быть создана нормальная, так сказать, федерация коммун, которая наладит взаимные хозяйственные отношения, производя необходимый обмен продуктами по свободному договору и взаимному соглашению. О каком либо законодательном регламентировании коммун и их федераций не может быть и речи, потому что это неизбежно приведет к распаду и гибели коммун.

Нам возразят: „все это хорошо, но хорошо в будущем, а нас мало интересует, что произойдет в будущем: это дело следующих поколений. Вы нам конкретно укажите, как сейчас организовать, хотя бы нисшую ступень анархической коммуны?“.

Само собой разумеется, что анархическая коммуна, в полном смысле этого слова, сейчас недостижима. Но чтобы ее осуществить и осуществить в ближайшем будущем необходима борьба рабочих и крестьян методам синдикализма, устраняющим сразу государственное вмешательство в трудовую жизнь.

Начинаний подобных Смоленской губернии, начинаний не утопических, а вполне реальных, сейчас очень много у нас в России, но всем начинаниям мешает—государство. Государственная власть, прибрав все к своим рукам (не только предприятия, но даже и рабочие организации), монополизировав все вплоть до науки и литературы, ставит на место прежних капиталистов эксплоататоров одного хозяина—гиганта, всеподавляющего кулака—*государство.* Крестьянские коммуны и рабочие синдикаты (союзы) должны быть свободны от этого эксплуататора, должны быть вполне самостоятельными, и только при таком условии они могут быть жизненными. Каждая коммуна, каждый волостной Союз коммун должны ставить целью своего существования не только облегчение материальных условий своего члена, но главным образом,—предоставление возможности свободного развития своих членов. Без этого коммуны не смогут существовать.

Помимо свободно организующихся у нас, в период революции, коммун и волостных синдикатов, укажем еще на духоборов, живущих анархическим свободным строем в Канаде вот уж второй десяток лет, доказывая тем самым, что анархизм не—утопия, а вполне осуществимое свободное общество.

Вот, что пишет в своей брошюре „Величайшая в мире Коммуни-

стическая организация (община духоборов)“ Туган-Барановский: „Большая община духоборов образовалась и охватила собой с самого начала не только села Северного, но и Южного участка. В состав большой общины вошло 44 села... Но так как хозяйственной единицей у духоборов признается село в 40 дворов, и новые села устраиваются в таком размере, то нужно думать, что в 44 селах должно быть не менее 8-ми тысяч душ“.

„Судя по всему, что мы знаем о духоборах, они являются людьми не только сильных моральных интересов, но и практического дела, отнюдь не чуждыми хозяйственных стремлений. Все это чрезвычайно увеличивает социальное значение духоборческой общины, в которой нужно видеть не только религиозно-нравственную общину, но и в тоже время (и скорее на первом плане) организацию (примечание мое: раз они признают организацию,—они—синдикалисты), с социально-экономическими задачами—создания коммунистического общественного строя“.

„Духоборы не только ведут у себя коммунистическое хозяйство, но и с чрезвычайной щедростью помогают другим. Своим бедным соседям они всегда приходят на помощь в случае нужды, дают им лес, купленный холст и сукно, красный товар, даже скот и т. д.“. „В Колумбии община посадила свыше 200 тысяч плодовых деревьев и в 1916 г. продала фруктовых консервов и варенье 70 вагонов. Лесопильные заводы также работают не только на нужды общины, но и на продажу равно, как и кирпичные заводы. Вся работа производится паровыми двигателями исключительно силами членов самой общины, без помощи наемного труда“.

„Духоборческая община представляет собой самое крупное достижение в области строительства коммунистического общества“.

„Они не только коммунисты, но и самые решительные анархисты“.

„Анархизм духоборов и вызывает их столкновение со всякой государственной властью,—не только грубой деспотической властью прежнего русского правительства, но и гуманной и либеральной, в вполне расположенной к духоборству, канадской властью. И это вполне понятно, ибо и самое либеральное государство всетаки анархического общественного строя вместить не может“.

„Анархический коммунизм духоборов и является, как правильно указывает П. И. Бирюков, основной причиной почему духоборы не укладываются в рамки какого бы то ни было государства, не только русского деспотического государства старого времени, но и свободного государства Канады. Ибо и свободная Канада все же является, как и всякое государство, государством с принудительной властью, духоборческое же общество принципиально отрицает какое бы то ни было принуждение, какую бы то ни было власть человека над человеком.

И анархизм духоборов отнюдь не остается тодько в области их

этического и социального мировоззрения. Нет, этот анархизм есть вполне реальное правило их поведения уже в совроменном обществе, анархизм определяет собой их отношение уже к современному государству.

Анархизм этот настолько устойчив и глубок, что пересиливает у духоборов их самые настоятельные хозяйственные интересы, в котором духоборы отнюдь не равнодушны.

Во имя анархического принципа духоборы отвергли английское подданство, прекрасно понимая, что это поддантство не сулит им никаких опасностей в смысле действий, несогласных с основными правилами духоборческой морали, как непротивление злу насилием, отказ от военной службы и т. п.“ „Духоборы являются единственной в двацатом веку общественной группой, которая не принадлежит ни к какому государству: русскими поданными они уже давно перестали быть, но и английскими поданными, гражданами Канады, они не стали.

К какому же государству следует их причислить? Ни к какому,— они перешагнули через государственность и уже теперь живут в свободном анархическом обществе далекого социального будущего“.

„Представители духоборческих сел, собирающихся на общие с‘езды не обладают никакой принудительной властью над своими братьями, которые не только на словах, но и на деле совершенно равны друг другу во всех своих правах и обязанностях. Никаких элементов принудительной власти в духоборческом обществе нет“.

„В своей же среде духоборы ни в каких судах и тюрьмах не нуждаются, ибо никто из них никогда не совершает никаких преступлений. Для чего суды, если судить некого и не за что? Общество духоборов переросло суд, и суд отпал сам собой, как ненужный общественный орган“.

Я сознательно остановился подробно на организации духоборов, чтобы отметить, как они путем безсознательно—воспринятого синдикалистского метода достигли свободного строя.

Такие же отрадные явления мы наблюдаем и в нашем крестьянине, в его стремлении к организации крестьянско-профессиональных волостных синдикатов хлеборобов.

Нечего говорить, что если синдикализм проникает в такой степени в сознание даже в среду самых „консервативных“ (как именуют большевики середняков крестьян) слоев трудящихся—крестьянства, то с тем большею силою он подчиняет своему влиянию людей, способных более или менее критически мыслить и чувствовать веение нового духа, духа коллективности, идущего на смену отжившим формам всякой принудительной, государственной организации общественной жизни.

Борьба за власть политических партий превратилась в семейные раздоры в дворцовые перевороты, что и заставило рабочих задуматься самим над экономическими вопросами. Но задумавшись над экономическим вопросом, понял ли индустриальный городской рабочий истинное значение *классовой борьбы?* Я, думаю, не совсем.

Классовая борьба возникает на экономической почве, а поэтому она в основе есть борьба экономическая. Эта социальная истина находится в полном противоречии с социаль-демократическими возрениями, с их идеалом и их тактикой, и они выдвинули другую, более удобную для них формулу: „классовая борьба есть борьба политическая,“ т. е. захват политической власти, чтобы потом посредством ее, путем декретов, постановлений, приказов сверху—государственным путем налаживать жизнь.

Сидикализм и в особенности Анархо-синдикализм самым решительным образом порывает с тем общественным строем, наиболее совершенным выразителем которого является социал демократия. С.-Д. признает узкий профессионализм, покоющийся всегда на принудительном и насильственно-государственном „демократическом централизме“, но она ни признает синдикализма, покоющегося на принципе федерализма, самостоятельности и самодеятельности отдельных ячеек и даже членов. Между профессионализмом и синдикализмом есть разница, которую не хотят почему то признать анархисты-*анти*синдикалисты. Для того, чтобы разграничить эти понятия необходимо отметить, хотя бы вкратце, сущность каждого движения.

Профессионализм есть компромисное движение, ставящее своей задачею примирить непримиримое. Синдикализм есть боевое революционное движение, стремящееся к безвластно-коммунистическому общежитию.

Развивающийся капитализм увеличивает антогонизм между трудом и капиталом, между ними назревают конфликты и с каждым днем обостряется *клоссовая* борьба. Эта борьба, ввиду экономического неравенства, требует от рабочих создания профессиональных организаций, которые бы смогли об‘единить и сплотитить для борьбы, как можно большое число рабочих по профессиям, производствам. Здесь начинается профессиональное движение, которое разветвляется впоследствии на два пути: профессионализм и синдикализм.

Профессионализм строится на системе „демократического централизма“, который все сводит к единой точке, центру, являющемуся единственным руководителем и повелителем сверху, и которому все и вся подчиняется. Централизм заставляет каждую личность рабски подчиняться, вводит казарменную дисциплину, бюрократизм и убивает дух личного почина—самодеятельность. Он вырабатывает иструкции для мест, приказывая держаться строго в рамкам разработанных инструкций, ограничивая свободу и самостоятельные действия отдельных союзов.

Кому из нас неизвестно, что профессиональные союзы находятся, большей частью, под сильным влиянием политических партий, их вожаков, в особенности социаль-демократии (в Германии). Германская С.-Д. партия имеет пагубное влияние на профессиональные союзы. Благодаря этому влиянию германские профессиональные союзы, вместо активной борьбы с капиталом, тащатся на буксире за господами Шей-

Гос. Публичная Библиотека

деманами, Гедами, Легинами и другими соглашателями. Такая рабская компромиссная тактика гибельна для рабочего класса.

Рабочие массы Запада, в особенности Франции, стали искать выхода, нового пути, на котором можно было бы избежать гибельных недостатков, как узкого профессионализма, так и партийно-политического вмешательства. Искание и желание передовых слоев рабочего класса не пропали даром. В конце XIX и начале XX веков пролетариат Запада пришел к заключению необходимости создания,—вместо узко-профессиональных и партийно-политических организаций—единой, трудовой, сплоченной, самостоятельной экономическо-социальной, революционной, классовой организации. Следствием этого решения и был *революционный синдикализм*.

Что касается нашей теперешней революции и участия городского пролетариата (рабочих) в создании своих рабочих профессиональных союзов, то оно приняло форму 1905—1906 г. Рабочие не обратили серьезного внимания на необходимое создание автономных, независимых экономических организаций, как фабричных комитетов, производственных профессиональных союзов, они бросились в партийные организации разных рангов, оставляя совершенно без внимания свое родное кровное дело—организации экономического характера. Этим воспользовались политики всех мастей, и рабочий класс, в целом, доверивший свою судьбу политическим интриганам, оказался у разбитого корыта.

Исправить свое положение рабочий класс сумеет тогда, когда начнет *непосредственную* борьбу при помощи своих синдикатов (союзов) против капитала и государства, т. е. воспримет метод синдикализма.

Синдикализм в России, как и революционный синдикализм во Франции и индустриализм в Америки и Австралии, должен поставить своей главной и основной задачей революционную непосредственную борьбу организованного труда против ига капитала и государства, именуемого социализмом, должен стремиться к созиданию *федерации союзов* свободных производителей и потребителей, которая и является идеалом анархо-коммунистов.

Ник. Павлов.

(*Продолжение следует*).

„Человек“.

Эскис.

Много тысячелетий прошло с тех пор, как человек впервые вышел из леса, который для него со всеми пернатыми и животными, обитающими в нем, был его царством.

Он тогда ни задумывался ни над чем: не знал он завтрашнего дня, знал лишь, что все для него. Жил, не зная, что такое стыд, не думая никогда прикрывать свою наготу, не боясь ни грома ни молнии, не ожидая и не страшась смерти, не ощущая страха и не понимая опасности. Он не имел понятия о Боге; любовь не была ему знакома; не слышал он плача и стона, не знал он людских невзгод; мирские скорби не трогали его сердца. Всегда он был весел, жизнерадостен и часто засыпал под чарующие напевы пернатого царства. Природа его убаюкивала, а Свобода оберегала его сон.

Долго он так жил, чувствуя в себе силу и свое превосходство над животным миром, идя, с дубинкой в руках, состязаться один на один со всяким своих врагом.

Но нарушился его покой. Стал он тревожно поглядывать на блеск лучей, прорезывающих чащу леса... Заработал его мозг... Потянуло его туда—к свету: стал он ломать и рушить все, пробивая себе дорогу к Солнцу...

Повалились деревья, застонал лес, встрепенулись пернатые, и животное царство забезпокоилось. Много усилий и труда стоила ему это, но он преодолел все и близок был к цели, предвкушая увидить что-то необыкновенное.

Но вот он у цели... Радостный с распростертыми об‘ятиями, побежал он вперед к Солнцу, сияющму своим блеском и веющему теплом.

Простор необ‘ятного пространства и красота природы опьянила его мозг.

Тщестлавное величие вскружило голову.

Буря поднялась в груди, сердце забилось часто, кровь хлынула

во всех направлениях его существа, зрачки расширились от удивления, взор безумия блуждал по пространству, нервы были возбуждены... Он не выдержали напрежения и... ослеп. Ослеп и упал усталый, обессиленный, темный и безпомощный, после долгого, упорного и настойчивого стремления выбраться из леса, к свету, к Солнцу, к Правде.

Долго он так лежал и звал на помощь, но не был услышан. Страх охватил его существо. Смерть пригрезилась его воображению. Бог появился в его мозгу. Мысль заработала в его голове...........

. . . .

Но вот он почувствовал какое-то прикосновение к своему телу. Ощутил теплое дыхание. Услышал мелодичный, ласкающий слух, голос. Почувствовал прилив крови, поцелуи, головокружение и... заснул. Долго спал. Разбужен он был каким-то непонятным для него шумом: слышен был плач, стон, крик на всевозможные лады, лязг железа, стук, грохот — все было непонятное для его слуха. Не мог он всего этого понять, так как не мог видеть происходящего.

Задумался он и громко зарыдал... В это время чьи то руки охватили его шею, поцелуй обжег его губы, и голос ласково заговорил с ним: „Не нужно плакать, успокой себя, на то „воля Божья“, чтобы ты не видел; я не оставлю тебя; я дам тебе верную подругу— Семью...“

Долго он предавался ласкам семьи, долго он был в забытьи страстного опьянения и не мог уяснить происходящего кругом него. Семья говорила ему о какой-то обязанности, признавалась в какой-то любви, твердила о родах, детских шалостях и т. д.—всего этого никак не мог воспринять мозг человека.

Около него ходили, говорили, шумели, плакали, смеялись, стонали, возмущались кричали, спорили...

Он лишь прислушивался и думал, думал без конца: чтобы это значило? Кто-бы это мог ходить около него и нарушать его покой?... почему он ослеп и не видит ничего? Какая такая обязанность? Откуда взялись дочь, сын — дети? И для чего все это: любовь, привязанность, обязанность и весь хаос происходящего около и кругом него? Сколько он не думал, как не ломал свою голову, чтобы познать и уяснить происходящее не мог он направить свою мысль по правильному руслу мышления. Все ему грезилось Божие наказание за какие-о прегрешения, испытания, посланные с небес ему...

Он смирился. Стал взывать и молиться Богу о ниспослании ему милостей. Ждал их терпеливо веками, но ничего не получил, и страда ния его не облегчились.

Он молился без конца, меняя богов из поколений в поколение, перенося терпеливо все страдания, болел, мучилсяв от ран, наносимых жизнью, познал тюрьмы, законы, власть, воровство, несправедливость, лицемерие, религию, брак. Все это связывало его, и он молился и вызвал к Богу на разные мотивы, песнословил Его, а Бог молчал...

Шум не переставал, а лишь громче и громче и неразборчивее продолжал тревожить его слух и затрагивать струнки наболевшей души.

Но вот, вздрогнула земля, раздался гром, все зашаталось, заколыхалось, заволновалось. Зашатался и человек, стал точно пьяный, не знал, что творится, а гром раскатами своими все больше и больше заставлял вздрагивать человека. Ноги его не чувствовали под собой твердой почвы, вязли в чем-то липком. Смрад разносился в атмосфере, дыхание спиралось, он задыхался, кашлял, проклинал и взывал ко всем и вся...

А время шло, меняя свою личину на тепло, холод, сырость неурожаи, безработицу, голод, произвол, капитал власть и войны.

Все человек переносил, подчинялся времени, приноравливался к ее личине и снова думал о Боге и его деяниях.

Война, самая страшная личина времени, дала ему почувствовать себя, и она была из последних стадий его страданий и слепоты. Она заставила вздрогнуть земной шар и сделать атмосферу невыносимой, спирающей грудь человека. Это она опьянила его и заставила шататься как пьяного. Почва стала вязкой и липкой под ногами, лишь только благодаря ей. Раскаты грома разносимые в пространстве — это ее эхо.

Атмосфера, накаленная, не находила более простора для расширения... Воспламенилась и произошел взрыв.

Человек прозрел и увидел красное зарево пожара, трупы гниющих тел, кровь, в которой он стоял по колено, и не мог вытащить увязших ног; он напряг все силы, и выбрался из болота крови. Сел на первый попавшийся пень, схватил себя за голову обеими руками, подумал, тряхнул кудрями, встал и пошел снова на встречу Солнцу, к *Свободе*. Он ее увидел и был рад ей. Понял все и познал истину своей слепоты и безсилия. Тщесловие более не вскружало его голову, не туманило его мозг.

Он почувствовал прилив силы, энергии и воли и познал себя тем, кем был всегда—*человеком*.

В. В.

На Украйне.

(Окончания). *).

Одновременно с подавлением и систематической борьбой с повстанчеством шла борьба на Украйне со всем тем, что питало идейно это впостанчевство и что было опасно для существования „Советской“ власти вообще.

Кто же и что же было источником идейного питания *свободного духа?*

Конечно, прежде всего, анархизм в его практическом проявлении, иначе говоря, анархическое движение.

Анархическое движение на Украйне в той фазе развития, в какой застала его пришедшая на Украйну во-всеоружие разрушения „Рабоче-Крестьянская“ власть, исторически берет свое нчало приблизительно с осени 1918 г. Приход, приглашенных Петлюрой „для усмирения“, немцев прервал на время всякую революционную работу анархистов. Лишь спустя несколько месяцев эта работа—то там, то здесь—начала налаживаться в подпольи. Временами и местами эта подпольная работа была довольно удачна. Но только временами и местами. В общем же работа была далека даже до удовлетворительности. Деятельность различных групп не только не была об‘единенна, но даже не была координирована и хоть схолько нибудь согласована. Каждая группа действовала так, как она считала необходимым и возможным для себя. Каждый член группы поступал нередко так, как „Бог на душу положит“. В результате, деятельность одной группы, действия одних членов, шли во вред другой группе, другим членам.

Перед анархистами стала очередная задача,—об‘единиться, координировать и согласовать свои действия, как единоличные, так и групповые.

Сколько раз перед нами, анархистами, стояла и сколько раз еще будет стоят эта задача, „но только все не впрок“. Всегда находятся

---

*) см. „Вольный Труд“ № 7—8 (стр. 43).

анархисты, для которых сконцентрированная, организованная работа— это цепи, рабство, для которых суровая действительность, реальная жизнь—пустой звук. Слепо, холопски преклоняясь принципу „абсолютная свобода личности“, эти „анархисты“ губят анархическое движение, демагогически бросая свой голый принцип и увлекая им еще нетвердых, молодых в движении, малоопытных в жизни, анархистов. И анархисты, поступающие на каждом шагу в жизни своим принципом, при столкновении с реальным анархическим движением, срывают это движение во имя этого же голого принципа, во имя своей халуйской логики, во имя своей трусливо-двуликой психологии.

Но ближе к теме.

Начало такого об‘единения, правда частичного, положила группа „Набат“, издававшая в Курске газету того-же названия и выработавшая в Ноябре месяце прошлого года почти всем анархистам известную „Декларацию единого анархизма“. „Декларация“, как и следовало ожидать, об‘единяла далеко не все группы, а только некоторые, наиболее, пожалуй, жаждавшие работы, наименее ортодоксально - анархические, а отчасти и те, которые вопрос о „Декларации“ обходили по различным причинам молчанием.

Остальные группы об‘единялись, поскольку это было возможно, по типу свободных ассоциаций (Киев, Харьков, Одесса).

Работа закипела, в особенности среди „набатовцев“, и ее результаты становились все рельефне, чувствительнее кое для кого и очевиднее для всех: под напором распропагандированных и словом, а где можно было, и делом масс шатался Германо-Гетмановский трон.

Начинался новый этап революции.

Анархисты массами потекли на Украйну из Великороссии, где они задыхались в атмосфере социалистической реакции. Подкрепленная этими свежими боевыми силами революция развивалась с каждым днем все быстрее, шире и глубже.

Вот, пала Гетманщина, ушла, воцарившаяся было временно Петлюровщина, пришел уже знакомый многим социалистический, „Советский“, строй. На приход последнего многие анархисты возлагали большие надежды, думая с его приходом выйти из подполья и начать открытую широкую массовую пропаганду. Указание некоторых пессимистов на опыт Великороссии не могло образумить и охладить увлекшихся оптимистов *).

---

*) Мне вспоминается разговор с одним из украинских товарищей в декабре прошлого года в Москве. Когда я, на его полные энтузиазма и веры в будущее речь, указал на обязательно предстоящие со стороны большевиков-(коммунистов), коль скоро они приступят к государственному строительству, гонения, он замахал на меня руками: „Пойми,—говорил он мне,—что мы работаем сейчас на Украйне с большевиками в подпольи в полном контакте и согласии. И предполагать, что большевики, эти наши тепершние товарищи по гонениям, подполью и работе, будут через некоторое время нас преследовать за нашу *революционную* работу, хотя-бы даже идейно-неприемлимую ими, предполагать все это,—это значит ни во что хорошее не верить, это значит, что ты циник“.

Интересно, кто из нас теперь циник?

Надежды оптимистов не оправдались. Совместная работа анархистов с большевиками продолжалась только до момента „воцарения последних на престоле“. Потом начались гонения. И нужно удивляться энергии, стойкости и терпению товарищей, с какой они, продолжая свою работу, отражали все время нападения своих недавних союзников, упорно и честно отстаивая свое право на свободное—письменное и устное—анархическое слово. Особенно энергичны были в этом отношении „набатовцы“, наиболее гонимые, но успевшие сделать, пожалуй, не менее многих других для пропаганды анархизма. Они наладили несколько газет, издательство, организовывали группы, открывали клубы, читальни, библиотеки, ставили где удавалось, лекции, беседы и т. д. и т. д. Необходимо отметить, что всю свою работу „набатовцы“ вели при крайне ограниченном количестве работников.

Остановлюсь немного подробнее на истории анархического движения на Украине за последние 5—6 месяцев. История этого периода во многом поучительна, поучительна и для нас и для врагов наших.

Начну с „набатовцев“, как наиболее живых, деятельных и наиболее распространенных на Украине. Хотя сейчас же замечу, что буду говорить не исключительно и не преемущественно о них. Работая на Украине, я и среди других групп, об‘едененных иногда, довольно прочно, наблюдал много и много ценного и интересного.

Вначале открытая работа „набатовцев“ развивалась преимущественно в Харькове, Екатеринославе и других городах, расположенных на С.-В. Украйны. Но уже спустя 3—4 недели чувствовалось, что широкая, открытая, массовая работа прикончится раньше чем она сможет расцвести, что она будет загнана в подполье правящей партией большевиков, которой определенно „не понутру“ всякое инакомыслие. И действительно, спустя 2—3 месяца, были прикрыты газеты и издательсгво и воспрещены лекции. Работа свелась к ведению библиотеки и распространению литературы.

Екатеринославская группа попыталась поставить школу пропагандистов, но поплатилась за это месячной сидкой на казенных хлебах 4-й категории. Там-же незадолго до этого была *разогнана* лекция тов. Б.

Открытая работа таким образом вытеснялась с С.-В. Украйны на Юг и Запад, главным образом в Гуляйпольский район, Елизаветград, Одессу и отчасти в Киев.

В Гуляй-Поле было приступлено к изданию газеты, устройству клубов, читален, лекций, собеседований и пропаганде словом и делом среди крестьян.

Орган Конфедерации был перенесен в Елизаветград.

В Одессе так-же было приступлено к изданию газеты и прочей пропагандистской работе.

Сложнее обстояло дело в Киеве: переехавшее туда „Рабоче-Крестьянское“ правительство зорко следило за работой анархистов и вся-

кую их попытку широкой пропаганды среди крестьянских и рабочих масс оно пресекало сразу-же в самом корне. Существовавшая в Киеве „Ассоциация Свободных Анархистов“ пыталась издать *теорестический* журнал „Свобода“, но Киевский Сов. Раб. Деп. „не разрешил“ (не без влияния, конечно, в этом свыше). Говорить об издании *популярной анархической газеты* при таком отношении к анархистам со стороны „Киевского Совета Рабочих Депутатов“ было излишне. Решено было начать пропаганду устную.

Тов. Б. из группы „Набат“ об‘явил 3 лекции. После 2-ой лекции вся группа „Набат“ и лектор были арестованы и только после энергичного требования Союза Пищевиков, членом которого состоял тов. Б., они были выпущены на свободу. Та-же приблизительно история повторилась и после третьей лекции.

Широкая массовая работа „набатовцев“ на время должна была прекратиться и только спустя месяца полтора снова возобновилась. Были поставлены снова две лекции тов. Б., прошедшие на этот раз „благополучно“.

Одновременно с группой „Набат“ устную праганду начала и „Киевская Ассоциация Свободных Анархистов“. Была открыта читальня-библиотека, где регулярно, 1—2 раза в неделю, ставились собеседования на различные темы. „Ассоциацией“ устраивались и публичные лекции.

К концу мая „набатовцами“ была поставлена лекция приехавшего в то время из Великороссии тов. С.. День лекции совпал с открытием Украинского с‘езда волостных исполкомов. Большевики употребляли все усилия, что-бы сорвать лекцию, не давая заранее абонированный зал. Энергичные протесты анархистов и крестьян-делегатов с‘езда, собравшихся послушать лекцию анархиста сделали свое дело и лекция состоялась. Крестьяне, присутствовавшие на лекции, заинтересовались анархизмом, начали приобретать и читать анархическую литературу, интересовались практическим осуществлением идей анархизма, а иногда и глубокими философскими, чисто теоретическими вопросами, анархизма. Некоторые крестьяне большевики, ознакомившись с анархизмом, вышли из партии и энергично взялись за пропаганду анархических идей среди крестьянства—вошли всей своей еще неиспорченной душой в работу анархического движения.

Одновременно с Киевскими анархистами работу среди крестьян начали некоторые товарищи в Полтавской и в Херсонской губернии (окрестности Мелитополя). О гуляй-польском районе я не говорю. там работа всецело шла среди крестьянских масс, а о результатах ее мы, наверное, в скором времени много услышим.

Работа киевских анархистов среди крестьян Киевской и соседних губерний с каждым днем все ширилась. К началу июля группой „Набат“ было созвано небольшое совещание из крестьян, которые настаивали на необходимости издания анархической газеты для деревни

После долгих прений и дебатов решено было приступить к изданию „Группой селян анархистов“ популярной анархической газеты „Селянский Звин“ Но между решением и осуществлением, в особенности теперь, и в особенности для анархистов,—большой и трудный путь, который не всегда удается пройти благополучно и во-время. Я выехал из Киева в 20-х числах августа, разрешения-же на издание газеты не было еще получено, а без разрешения ни одна типография не рисковала печатать. Не нужно только думать, что все внимание анархистов Киева было направлено исключительно на крестьянские массы. Работа в городе шла своим порядком и даже более усиленным, чем прежде, темпом. Налаживались связи с рабочими: на заводах и фабриках (Арсенал, Железнодорожные мастерские, трамвайные мастерские) и в рабочих районах (Подол, Димиевка) ставились лекции, собеседования, открывались клубы, читальни, как “Ассоциацией“, так, и в особенности, группой „Набат“.

Вся эта работа была, конечно, в первичной стадии развития. И нет сомнения, что через 2—3 месяца такой работы государственникам всех видов и мастей пришлось-бы считаться с крупным массовым анархическим движением.

Кроме этой работы среди крестьян и рабочих при „Ассоциации“ в последнее время были организованы кружки молодежи, где регулярно 4—5 раз в неделю устраивались собеседования для лиц, желающих серьезнее, шире и глубже познакомится с теорией и историей анархизма. Эти кружки не должно смешивать с группами „анархической молодежи“, которых в Киеве имелось 2 (при „Набате“ и при „Ассоциации“). Группы анархисткой молодежи нельзя обойти молчанием: значение их для анархического движения огромно. Не преувеличивая, можно сказать, что вся работа анархического движения исполнялась молодежью. Возьмем, хотя-бы, распространение газеты „Набат“. При той разрухе транспорта, которая была на Украйне, на почту и железную дорогу нельзя было ни в коем случае полагаться, и если бы не молодежь, взявшая на себя всю работу распространения, работу адски тяжелую, газета едва бы вышла даже из-за стен типографии. С пятью-шестью пудовыми мешками и тюками литературы молодежь проникала в вагоны, на крыши, буфера, и, рискуя каждый миг жизнью, подвергаясь сплошь да рядом издевательствам, арестам, порке шомполами и т. д., она героически исполняла взятую на себя задачу и исполняла, нужно отдать справедливость, великолепно. А организация, клубов, библиотек, читален, лекций, собеседований, митингов, розничной продажи и распространения литературы? Кто производил всю эту работу, сопряженную опять таки с арестами и гонениями? Все та-же молодежь. И глядя на их работу, многие старые анархисты, измученные долгими гонениями, ставшие апатичными и безразличными ко *всему*, скептически настроенные к окружающему, оживали, перерождались и с головой бросались в движение, которое еще не так давно казалось им или ненужным, или обреченным на неудачу, или даже совершенно погибшим.

Многое и о многом можно было-бы еще расказать, можно было-бы не одну статью написать, а многие толстые тома заполнить материалом о работе анархистов на Украйне. Но буду краток—остановлюсь еще лишь на одном: грызне между анархистами, пагубно отзывающейся на анархическом движении.

На Украйне анархистами давно было уже осознано, как я говорил выше, гибельность для движения разделения анархистов в работе. Всюду наблюдалось стремление об‘единиться для совместной работы. И об‘единение шло путем „свободных ассоциаций“, об‘единяющих анархистов всех толков и течений и путем новой формы, известной под именем „Набатовской“, или „Единого анархизма“. Преимущество последней формы перед первой заключается в том, что она впервые поставила вопрос об‘единения на известных условиях, на известной более или менее *определенной платформе*, Правда, эта платформа, как она дана в „Декларации“, далеко от совершенства, слишком узка и коротка, но она всетаки есть. Результаты преимущества этой формы об‘единения были на лицо: организации, группирующиеся вокруг конфедерации „Набат“, были наиболее тесно связаны между собой, наиболее жизненны и активны в своих работах. Об‘единения типа „Свободных Ассоциаций“ были, правда, более широки, принимая в свои руска гораздо более многочисленные течения анархистской мысли, но зато они были наименее прочны в своем об‘единении и наиболее, конечно, инертны, пассивны в работе. И вот эти две формы об‘единения вместо того, чтобы сговориться, столковаться, пересмотреть и исправить ошибки друг друга, затеяли грызню и грызню подчас злую и некрасивую. От этого страдало только лишь анархическое движение и ничто другое. Все попытки товарищей, нейтральных, так сказать, об‘единить примирить „врагов“—не увенчались успехом. Наверное, „горбатого только могила исправит“, а анархистов суровая жизнь подполья, тюрем, ссылок да каторги.

Больно и обидно...

* * *

Итак, усилиями „революционного“ „рабоче-крестьянского“ правительства все свободное, революционное было забито, загнано на Украине. Мнящие себя монополистами революции—на самом деле ее могильщики—большевики остались одни, вызывая гордо на бой контр-революцию. И она пришла, и пришла так быстро и неожиданно, что многие едва успели живыми убратся с Украины в „Московию“. На Украине восторжествовала *временно и местами* реакция. Я подчеркиваю *временно и местами*, ибо с первого момента похода Деникина начало возрождаться повстанчество, ныне занимающее, по имеющимся сведениям, фронт против Деникина от Умани и до Азовского моря, и дающее возможность Красной Армии „двигаться победоносно вперед“.

Для нас нет сомнения, что большевикам удастся, если не всю, то часть Украины снова занять, благодаря прежде всего, конечно, нена-

вистному им повстанчеству и революционной работе оставшихся на Украине революционеров. И если среди большевиков есть хоть несколько преданных делу революции *личностей*, они должны теперь же в своей партии поднять вопрос о том, что такое революция и кто более опасен для нее. И не только поднять, но и решить его без колебания в сторону осуждения всей прежней своей политики и признания, что к свободе есть один путь Свободной Социальной революции.

Октябрь 1919 г.

П. Руденко.

Анархистам.

Пусть нас гонят и травят, как диких зверей,
Пусть грозят нам растрелом и пыткой,
Это силу нам даст, мы сплотимся тесней,
Мы гонения встретим улыбкой.
Пусть враги нам кричат с пеной злобы у рта:
„Вы бандиты, мошенники, воры!..“
Не заденет нас грязная их клевета,
Не спустим пред ними мы взоры.
На врагов наших грязную, подлую ложь
Мы ответим правдивым им словом...
А на предательски поднятый нож
Мы ответим им всем Равашолем.
С нами истина, с нами весь люд трудовой,
Возмущенный насилием власти!
С ним мы вступим с врагами в решительный бой
За свободу, равенство, братство.

И. Лапин.

Хроника.

О партизанском отряде.

Во время последней угрозы Питеру с запада (в середине октября месяца) „Петроградским Клубом пропаганды и идей анархизма“ был организован партизанский анархический отряд.

Количественно отряд был невелик, приблизительно около 60 человек, идейных, преданных делу революции анархистов и анархиствующих.

Отряд ставил себе задачей активно с оружием в руках, в случае прихода Юденича в Питер, встретить врага в городе.

Анархисты знали, что приход Юденича принес бы с собой море крови, неисчислимое количество жертв, массовые расстрелы и казни среди рабочих, даже активно не принимающих участия в строительстве социалистического государства.

Анархисты знали, что кровавая бойня Юденича вырвет из среды рабочих ее лучших сынов, истинных революционеров, и прежде всего тех, которые не ждали бы зова власти и вышли бы на баррикады для защиты революции.

Помимо этого отряда были организованы еще два отряда: на Выборгской стороне и на Васильевском Острове, оба численностью около 30 человек. Два последние отряда организационно не были связаны с отрядом при клубе, но зато существовала идейная связь, изредка, они даже снабжались оружием, обмундированием и др. материалами.

В период организации отряда при клубе работа лихорадочно кипела. Был виден революционный под'ем и энтузиазм анархистов, решивших „достойно“ встретить надвигающуюся на Питер черную реакцию генерала Юденича. Под'ем и энтузиазм были видны не только среди организаторов отряда, технических руководителей его, а среди всех анархистов. Каждый партизан горел желанием, метался, хотел всеми силами помочь советом, главным образом делом, в организации отряда. Каждый из них проявлял максимум энергии и воли. Каждая мелочь в организации, каждый новый шорох мысли приводил их в сплошное раскаленное железо. Каждый миг замедления в работе отряда, в приведении его в боевую готовность, вызы-

вал у них взрыв негодования, возмущения и прилив новой энергии. Каждая заминка—болезненно отзывалась в душе всякого анархиста. Они бросались устранять все препятствия, которые мешали налаживать работу отряда. И им это удавалось. Через 2 — 3 дня отряд был приведен в боевую готовность, способный выступить во всякое время дня и ночи, принять бой на улицах Петрограда, бой и прямой и из-за углов и в узких переулках с жаждающим рабочей и революционной крови генералом Юденичем, принять бой с оружием и, главным образом, с бомбами в руках.

Отряд установил связь с коммунистическим отрядом I гор. района, где бессменно дежурили партизаны, информирующие безпрерывно свой отряд о положении на фронте.

В ночь на 21-е октября из коммунистического отряда сообщили, что со стороны Детско-Сельского вокзала угрожает опасность и предложили прибыть в Коммунистический отряд для того, чтобы вместе отправиться на позиции. По прибытию анархического партизанского отряда в помещение коммунистического отряда руководитель последнего отдал партизанскому отряду анархистов приказ немедленно итти защищать редакцию и типографию газеты „Правда". Анархисты категорически отказались от этого, указывая, что их отряд создавался совсем не для защиты советских и политических учреждений. После этого руководитель начал доказывать, что он фактически поручает анархическому отряду защиту Ивановского сектора, на территории которого находится редакция и типография газеты „Правда", которая и будет служить им штаб-квартирой. Анархисты, мало рассуждая в столь серьезный момент, в момент грохота пушек и каннонады над Петроградом, согласились и отправились на Ивановскую. Через полчаса они прибыли в редакцию газеты „Правда".

Загнанные в помещение, не находя себе места в маленьких заваленных „делами" комнатах редакции, анархисты не знали, что происходит в городе и в оставленном ими штабе. В таком положении они пробыли в редакции всю ночь. На утро они решили во чтобы то ни стало или итти прямо на позиции, если опасность для Питера еще не миновала, или же переселиться в квартиру своего штаба, на Жуковскую. В городе в это время стало более спокойно, коннонада прекратилась.

В течении этих 10 часов пребывания в новой штаб-квартире, в тот момент, когда бой мог начаться каждую минуту, анархисты не получили из штаба I-го гор. района внутренней обороны ни одного указания, ни одной инструкции. Даже план им не был прислан. Чувствовалось какая-то растерянность в штабе обороны I-го гор. р. в этот грозный и серьезный момент

Анархисты решили перебраться на старую свою квартиру, где и местность им была более знакома и где находились их склад оружия и продовольствия. Доведя *до сведения* о своем решении штаб I-го городского района и Центральный штаб, анархисты к вечеру были снова на Жуковской.

Через 2 — 3 дня после этого случая отряд получил телефонограмму (*посыльным*) за подписью Аврова (того самого Аврова, который в период организации отряда, в период угрожающей опасности, был лойяльным и

внимательным к анархистам), которая гласила, что отряд анархистов немедленно должен быть расформирован, оружие и обмундирование сдано, а партизанам-анархистам наивно предлагалось влиться в красноармейские части.

Анархисты, учитывая еще не минувшую опасность со стороны фронта, возмущенные двуличием власти, лойяльной к анархистам во время серьезной опасности и грозно командующей начальственно-призывающей во время поднятия курса ее „акций на фронтовой бирже“, решили с болью в сердце вскоре за приказом без сопротивления и насилия (что несомненно бы последовало) распустить свой отряд.

К 1-му Ноябрю отряд был расформирован; оружие, обмундирование санитарные принадлежности были сданы коммунистическому отряду I гор. района.

Так кончилась еще одна славная, маленькая, страница из жизни Питерских анархистов. Многое эта страничка открыла нам анархистам, многому научила она нас, и мы, анархисты, должны ее не только прочесть, но и зазубрить.

Р.

Организация новой группы при Клубе.

При „Петроградском клубе пропоганды и идей анархизма“ организовалась, или точнее, выделилась новая группа анархистов, соорганизовавшаяся на новых началах.

Почти полугодовое существование об'едененного клуба, давшего очень мало существенного для анархического движения—это с одной стороны. с другой—события последнего времени в анархическом движении, возмутительный арест чрезвычайной членов клуба на общем собрании, подозрительность некоторых лиц, посещающих изредка клуб и пытавшихся даже втиснуться в анархический отряд — все это и многое другое вместе взятое привело к мысли некоторых товарищей изменить в корне старую организацию.

Для начала, выделившаяся группа приняла следующие положения своей организации (нет сомнения, что это только начало, что в будущем эти положения будут дополнены и расширены): 1) прием новых сленов в организацию происходит только с единогласного согласия всех членов группы, 2) обязательная регистрация членов группы, 3) обязательное 2% отчисление с получаемого дохода на нужды организации, 1%—в фонд черного креста и 4) обязательное участие каждого члена в работах группы, как напр.: лекторской, библиотечной, хозяйственной, распространение литературы и других работах.

Остальная часть членов клуба и, повидимому, большая часть, несогласная с такими началами организации решила продолжать работать на прежних основаниях.

Кто пошел по более правильному пути—покажет будущее.

С.

Деятельность клуба.

После расформирования партизанского отряда „Петроградским Клубом пропаганды идей анархизма“ было решено приступить к мирной работе

Намечен был целый ряд лекций и собеседований на темы: 1 „Основы анархизма“, 2) „Отношение анархистов к семье, церкви, государству, собственности, законам и науке“, 3) „Анархизм и Горький“, 4) „Коммунизм и индивидуализм“, 5) „Анархизм и экономический материализм“ и ряд (до 20) сустематических собеседований по теории и истории анархизма: 1) „Античный анархизм“, 2) „Христос и анархизм“, 3) „Средневековый анархизм“ и т. д.

Но в связи с отсутствием света и отопления к работе, к сожалению, еще не приступлено. Надо надеяться, что удастся собрать незначительную сумму денег и более или менее обеспечить клуб, хотя-бы освещением и приступить к работе.

Товарищи анархисты! Не забывайте, что только *мы сами* сможем наладить нашу идейную работу. Собственными усилиями *мы должны добыть для клуба топливо и свет*, а с ним и Свет. **Д.**

Кое что о выборах.

Из Колпино сообщают интересный факт новой манипуляции с выборами. На одну из многих нынеустраиваемых рабочих конференций *рабочим* предоставлено право избрать одного представителя от 150 человек, партийным-же комитетам и Женской секции по одному представителю на каждые 10 человек.

Спрашивается: Чем-же эти выборы отличаются от прежних выборов по куриям, цензовых выборов, покоющихся на началах подтасовки для обеспечения „своих“?

В рабочем государстве в период *Пролетарской диктатуры*, рабочим предоставляется последнее, как видно, лишь „маленькое местечко“ на выборах.

Что такое выборы, и какая им цена—мы давно знаем. Но вот интересно, какое об‘яснение дадут этому новому фокусу с выборами и выборам вообще ныне правящий „клас“?

Нам быть может скажут, что в партийных комитетах и женской секции те-же рабочие (хотя мы знаем другое: там сидят интеллигенты и советская буржуазия). Тогда зачем и почему им дается 15-ти кратное примущество? **Б.**

Отношение к анархистам.

„Петроградскй Клуб Пропаганды и идей Анархизма“ обратился в Отдел Управленя Петроградского Совета за разрешенцем на возобновление печатей Клуба, уничтоженных во время угрожавшей опасности Питеру (в ночь на 21-ое Октября). За разрешением пришлось обратиться лишь потому, что ни одна мастерская не хотела взять работу без соответствующего разрешения властей.

Отдел Управления, согласно его устному об‘яснению, обратился за разрешением столь *серьезного вопроса* к Председателю Всеросс. Чрезвычайной Комиссии Дзержинскому, без санкции которого Отдел не мог выдать разрешение. В результате последовал приказ разрешения *не выдавать* Итак, власть решилась, наконец, *легально* загонять анархистов в подполье.

3и-VIII-52186 **С.**

Редакция: **Редакционная Коллегия.**

„Питерский Клуб

пропаганды

Идей Анархизма“

помещаетса на ул. Жуковского № 38, кв. 22 (вход со двора).

При клубе имеется

библиотека—читальня.

Библиотека — читальня открыта по понедельникам, вторникам и субботам от 6 до 10 час. вечера.

Общие собрания клуба по вторникам от 6 час. вечера.

БП-61-847
28
2
П 23
2296

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

„Вольный Труд"

помещаетса в „Питерском клубе пропаганды идей анархизма" (Жуковская № 38, кв. 22).

Прием по делам Ред акции по понедельникам от 6 до 9 час. веч

Присланные в редакцию статьи и рукописи должны быть переписаны четко, на одной стороне листа.

Деньги за журнал „ВОЛЬНЫЙ ТРУД" и корреспонденцию просят высылать только по следующему адресу: Петроград, просп. Володарского, № 56, Книгоиздательству союза анархо-синдикалистов „Голос Труда" для журнала „Вольный Труд".